

П. П. Бажов

ЗЕЛЁНАЯ КОБЫЛКА

Издательство
"Детская литература"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

П. БАЖОВ

ЗЕЛЁНАЯ КОБЫЛКА

Повесть

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

Р2
Б16

Рисунки Б. Шахова

Бажов П. П.

Б 16 Зелёная кобылка. Повесть. Рис. Б. Шахова.
М., «Детская литература», 1976.

64 с. с ил. (Школьная библиотека для нерусских школ).

Повесть о жизни ребят, выросших в среде старых уральских мастеров,
которые создавали русскую металлургию.

Б $\frac{70802-324}{M101(03)76}$ 484—76

Р2

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО РОДИНА

Богат и прекрасен горный Уральский край. Красивы его высокие сосновые леса, глубокий синий озёра, зелёны сопки. А внутри гор, в недрах земли хранятся запасы угля, золота, меди и платины, мрамора и малахита, яшмы и изумруда. Вот почему более двухсот лет назад возникла здесь горнозаводская промышленность, появились первые заводы и рудники.

На одном из таких старинных уральских заводов родился в 1879 году Павел Петрович Бажов — автор этой книги. Семья его была рабочей. И отец Бажова, и дед, и прадед всю жизнь работали у медеплавильных печей и назывались людьми «огненного труда».

Маленький Павлуша рос в заводской среде, слушал рассказы взрослых о работе умелых мастеров, о тайнах уральских гор, где до времени спрятаны «земляные богатства». По вечерам, с другими ребятами, бегал он на Думную гору к старому сторожу — «дедушке Слышко». Дед охотно рассказывал им о том, «как в старину люди жили», и о сказочном змее Пóлозе, дочерях его Змеёвках да о Хозяйке Медной горы, которые, как говорят, охраняют богатства уральских недр.

В эти тихие вечерние часы на Думной горе открывалась детям красота родного края. «Вблизи, — вспоминает писатель, — виднелась круглая, будто переполненная чаша Полёвского пруда, а вдаль, за Гумешёвским рудником и заводским посёлком, возникала красивая лесная картина — темно-синие волны густого хвойного бора». Слушая старика рабочего, учился будущий писатель видеть и понимать Урал, гордиться смелыми на выдумку, даровитыми уральскими мастерами.

Позднее, взрослым уже человеком, Бажов много бродил по другим заводам и рудникам, записывал рассказы сталеваров, литейщиков, оружейников, камнерезов, изучал их труд. В годы гражданской войны стал Бажов коммунистом, воевал на Урале, в Сибири и Алтае. Потом работал в газете. И, только когда накопил много знаний, жизненного опыта, стал он писателем. Но первые важные уроки получил Бажов ещё в детстве, в родном заводском посёлке, у простых рабочих, в собственной семье, от тех трудовых людей, которые всегда умели «не книзу глядеть — на то, что сделано», а «кверху — как лучше делать надо».

Написал Павел Бажов чудесную книгу «Малахитовая шкатулка». В ней он рассказывал о том, что видел и слышал за долгие годы своей жизни на Урале среди русских мастеров, упорных в труде и смелых на выдумку.

Немало есть в «Малахитовой шкатулке» сказочных героев и сказочных событий. Но говорит о них Бажов с лукавой усмешкой. Словно подсказывает читателю: а ну-ка, сам разберись, что было, а чего не было. Так в одном сказе герой его, мальчик Федюнька, заблудился зимой в лесу и совсем уж пропал, да встретился с девчоночкой «Огневúшкой-поскакúшкой», хозяйкой «верхового зóлота», того, что хранится в верхних пластах земли. Пожалела она Федюньку, подарила ему «волшебную» лопатку. Лопатка хоть старенькая, а в ней чудесные свойства: помогла она Федюньке зарубки сделать, ме-

сто, где зóлото он нашёл, отмётить, а крóме того, «в снегу согрéла и домóй вýвела».

А ведь «спервá Федю́нка чуть не вýпустил лопáту из рук, потóм наловчýлся, и дéло глáдко пошлó...». Чудéсные свóйства «скáзочной» лопáтки — это не что инóе, как умéлость и снóровка человéческих рук, котóрые её дёржат.

Откúда же у человéка берётся умéлость, мастерствó? Вот об этом рассказывает нам другáя кни́жка Пáвля Бажóва — «Зелёная кобы́лка».

В ней писáтель вспоминаёт своё сóбственное дётство, своих товáрищей по и́грам, всю ту заводскúю средú, в котóрой он рос и воспитывался. «Да, — говорит писáтель, — знáли мы и нуждú, и гóлод, и тяжёлый труд, но ребя́та не слабосильными росли: из них ведь выходили те мастера́ и подмастерья, котóрые играючи ворóчали клещáми шестипудóвые крýцы (кускý железа) и подбрáсывали в валóк тяжёлые пóлосы раскалённого железа».

В чём же дéло бýло? А в том, что с сáмого дётства здесь воспитывалось уважéние к трудú. Ребя́та по мéре сил старáлись помогáть семье: «Пойтí на рыбáлку, — вспоминаёт писáтель, — знáчило добýtь на ушкú, а то и на две, в лес сходить — принестí мáтери ягод или грибóв. Лишь хорошó поработав, мóжно бýло завоевáть признáние окружающих — в семье, у сосéдей, в заводском посёлке». А добýtься уважéния среди тех, кто сам является умельцем, дóбрым мáстером, бýло не прóсто. Писáтель рассказывает о дётских и́грах, котóрые становились настоящим соревновáнием в том, кто лúчше плáвает, лúчше бéгает, бóлее мéток. И всё это «измерялось, проверялось, всячески взвэшивалось» самými ребя́тами и отдавалось на суд стáрших.

Вéсело и с дóброй улы́бкой рассказывает писáтель о дётских гóдах ребя́т из рабóчей средý. Но серьёзно и с большóй любóвью говорит он о тех, кто создавал рúсскую металлур-

гию, работая ещё на старых «деми́довских» заводах. Истóрия не должнá забывáть, что глáвное — не знаменíтые заводчики, а рúсские трúженики: «Не сáми Демíдовы рудú иска́ли, не сáми плáвили да до дéла доводíли. А ведь тут мнóго зóрких глаз да умéлых рук трéбовалось. Немáло и смекáлки и вьдумки прилóжено, чтоб демíдовское желéзо на слáву вьшло и за границу поéхало. Знаменíтые, нáдо дúмать, мастерá бьли, да в зáписи не попáли».

Пóвeсть «Зелёная кобы́лка» рассказывает нам о том, как росли́ и воспитывались э́ти бúдущие «знаменíтые мастерá», в трудовóй заводскóй средé. К ним по прáву принадлежít и сам Пáвел Петрóвич, замечáтельный рúсский писáтель и умéлец.

Л. Скоринó

ЗА БОЛЬШИМИ ОКУНЯМИ

В то лето, 1889 года, мы усердно занимались рыбной ловлей. Только это уж была не забава, как раньше. Ведь мы не маленькие! Каждому шёл десятый год, все трое перешли в третьё, и последнее, отделение заводской школы и стали звать друг друга на «ша»: Петьша, Кольша, Егорша, как работавшие на заводе подростки. Пора́ было помогать чём-то семье. И вот мы сидели утрами на окуневых местах¹, вечерами выискивали ершей, в полдень охотились за чебаками. Наши семейные нередко хвалили за это.

— По рыбу в люди не ходим, свой рыболов вырос, — скажет при тебе мать.

¹ На окуневых местах — там, где водятся окуни.

Иной раз отец одобрит:

— Хоть мелконька рыбка, а всё — ушка!

Понятно, что такие разговоры подбадривали нас, но всё-таки тут было что-то вроде шутки: говорят, а сами посмеиваются.

Вот бы так наудить, чтобы не смеялись! С полведра бы окуней, да все крупных! Либо ершей-четвертовиков!¹

— Давай, ребята, сходим на Вершинки, — предложил вечером Петька. — Вот бы половили! Там, сказывают, всегда клёв. Сходим завтра?

— Не отпустят, поди, одних-то.

— Это уж так точно, не отпустят, — согласился Петька. —

А мы так...

— Отлупят тогда.

— Не отлупят. Мы скажем, будто на Пески пошли, либо к Перевозной на целый день, а сами туда...

— Наскочишь на кого на перевозе-то... Мало ли наших на Вершинки бегают. Яшу-то Лесину забыл? — сказал Колюшка.

— А мы трактом².

— Далекó так-то.

— Десять-то вёрст далекó? Ты маленький, что ли? Не дойдёшь?

— Ну-к, ладно не то, — согласился Колюшка. — Червёй надо накопать, а завтра пораньше пойдём. Не проспим?

— У нас Гриньша в утренней смене. Разбудит меня, — успокоил Петька.

Вершинки — это завод на той же речке Горянке, на которой жили и мы. Посёлок при заводе был маленький, а пруд гораздо больше нашего, горянского. О рыбалке на этом пруду мы давно думали. Мешало одно — не отпускали. По зимней дороге до Вершинок считалось меньше пяти вёрст. Летом пешие рабочие ходили через Перевозную гору, от неё переплывали пруд на лодках или пароме и выходили на зимник³.

¹ Ершей-четвертовиков — крупных ершей, в четверть аршина; аршин — старая мера длины, немного меньше метра.

² Трактом — большой проезжей дорогой.

³ Зимник — зимняя дорога.

Этот путь был немногим больше пяти вёрст. Но ездить так было нельзя: хлопотливо с перевозом и очень крутой спуск с Перевозной горы. Ездили трактом вдоль пруда. Эта дорога была много длиннее. По ней до Вершинок считалось больше десяти вёрст. Выбрали мы эту длинную дорогу потому, что тут не ждали встретить никого из знакомых взрослых. К тому же на перевозе у нас был враг — угрюмый старик перевозчик Яша Лесина. Раз как-то мы угнали у него лодку, так еле улепетнули¹. Вдогонку ещё сколько орал:

— Я вас, мошёнников! Поймаю, так оборву головы-то! Тому вон чернышú большеголовому первому!

Колюшка потом, правда, говорил:

— Ну, этак он всем ребятам грозит. Где ему всех упомнить, кто лодку угонит.

Мы с Петькой, однако, побаивались:

— А вдруг узнаёт! Не зря же он про Петькину голову кричал. Заметил, видно.

Уйти из дому на целый день с удочками было просто. Сказались, что пошли до вечера на Пески, а то и к Перевозной горе. В ответ каждый получил строгий наказ:

— Гляди, чтобы к потёмкам домой! Слышал?

Открыто взяли по хорошему ломтю хлеба да по такому же тайком. Каждый не забыл по щепотке соли и нащипал в огороде лукового пера. Червянки были полны, и удочки приготовлены с вечера. Сначала шли хорошо. Было ещё рано, хотя уже становилось жарко.

На пятой версте от Горянки есть участок Красик. Тут был когда-то железный рудник, потом около этого места были золото, а теперь по красноватому каменистому грунту весело журчали мелкие ручейки. Живая струя в жаркий день кого не остановит! Стали мы собирать разноцветные галечки². Потом кто-то сказал:

— Ребята, а вдруг тут самородок?³

— А что ты думаешь — бывает. Поверху находят.

— Вот бы нам! А? Это бы так точно, — сказал Петька.

¹ Улепетнули — убежали.

² Галечки — камешки.

³ Самородок — кусок чистого золота.

— Хоть бы маленький!

— Я бы первым делом жерличных шнурков¹ купил. На шестьдесят бы копеек! Три клубка.

— Найди сперва!

Самородок, конечно, не нашли, но по ручьям спустились к пруду, который в этом месте близко подходит к дороге. Как тут не выкупаться? И место как нельзя лучше.

После купания стали осматривать свои запасы. У каждого было по два ломтя хлеба, по щепотке соли и по пучку лукового пера. До спасова дня² нам запрещалось рвать лук с головками, но у Петьки всё-таки оказалось три луковицы, у меня — две. По поводу моих ломтей Петька заметил:

— Тебе, Егорша, видно, бабушка резала? Ишь какие толстенные.

У Колюшки не было луковиц, да и ломти оказались тоненькими.

Петька выбрал самую большую луковицу и протянул ему:

— Берё, Медвёдко, да вперёд учись у больших!

— Ну-к, я, поди-ка, старше тебя.

— На месяц! О чём говорить! Ты вот лучше померяйся со мной! Увидишь, кто больше.

Я отделил Колюшке половину своего ломтя, но уж ничего не сказал. Наши отцы все жили не звонко³, но Колюшке всё-таки приходилось хуже всех.

Когда так подравняли запасы, все отломил по кусочку.

— Эх, с лучком-то! Это так точно! — воскликнул Петька.

— Здорово хорошо.

— Ребята, дорога-то как кружит! Сколько идём, а Перевозная гора — вот она. Совсем близко.

— Сперва ведь Мохнательную обходили. Она вон какая широкая!

— Про что я и говорю. От Перевозной к этому бы месту.

Под разговоры о прямой дороге мы незамётно и съели весь хлеб до крошки. У каждого осталась лишь соль — было с чем

¹ Жерличных шнурков — шнурков для жерлицы (снасти для ловли щук).

² Спасов день — церковный праздник; с этого дня разрешалось есть плоды и некоторые овощи.

³ Не звонко — не богато.

уху сварить. И посуда была: все трое вместо корзинок тащили на этот раз по ведёрку.

Выкупались ещё раз, «на дорожку», и пошли. После еды и купания идти стало легче, приятнее. Стали заглядывать в лес, не попадутся ли ягоды.

Вдруг Пётка закричал:

— Ребята, зелёная! У куста села!

И он бросился к кусту, из которого сейчас же выпрыгнула большая ярко-зелёная кобылка¹. Мы не хуже Пётки знали, что на такую кобылку хорошо берёт крупный елец и чебак, и тоже стали ловить её. Такая кобылка встречается не часто и очень далеко прыгает. Втроём всё-таки одолели, и Пётка понёс полузадавленную добычу. Мы ему наказывали:

— Гляди, Пётша, не выпусти! Они страсть живучие!

Пётка хвастливо уверял:

— У нас не вырвется! Не такому попала!

Пёткино хвастовство показало обидным.

— Подумаешь! Ловко не выпустить-то, коли я её раз прихлопнул да другой раз ножку обломил. Куда поскочит хромая-то?

Мы предлагали Пётке: «Давай я понесу», — но он важничал, напоминая, что это он увидел и поймал кобылку.

— Вот хвастун! Ещё бы не поймать, коли мы её оглушили! Задаётся теперь. Да мы такого барахла сколько хочешь наловим.

Не сговариваясь, мы с Колюшкой бросились ловить кобылок. Их было много. Чаще всего попадались жирные желтяки, которые смолку дают. Зажмёшь такую в кулак, поскочишь кругом на одной ножке да попросишь: «Кобылка, кобылка, дай мне смолки!» — она и выпустит каплю. Чёрная, густая, как есть смола! Много было серовиков, каменюшек, остроголовиков. Реже попадались чёрные летунцы, но зелёной не было. Пётка посмеивался:

— То, да не то. Не то-о!

Зато наша добыча не требовала такой охраны, как Пёткина. Сдавишь пойманным головки и бросаешь в ведёрко. Там

¹ Кобылка — насекомое; кобылка, или кузнечик, служит хорошей приманкой для рыбы.

они и ползают вокруг тряпочки с солью и смолку оставляют, хоть их никто не просит.

Мы так занялись ловлей кобылок, что Пётка взвыл:

— Ребята, что в сам-деле! Кобылок мы пошли ловить али на Вершинки за рыбой? Пойдём скорее! Мало ли таких кобылок! Неси мою, кому охота.

— Ага, покорился!

Я осторожно перехватил зелёную кобылку, и мы зашагали по дороге. Вскоре вышли на урочище речки¹. По-настоящему, это два рукава² нашего горянского пруда, через которые переброшены мосты. Один побольше, другой во все маленький. Первый прошли спокойно, но на втором остановились. Соблазнило место. В тихой воде были видны заросли щучьей травы, расположенной грядами. По воде плавали на гибких стеблях круглые листья купавок, и везде расходились большие и маленькие круги от «плавившейся» рыбы.

Как пройти мимо такого места с зелёной кобылкой? Только Колёшка настойчиво твердил:

— Пошли, ребята, до места! Тут во все близко, версты, поди, не будет.

Уговорить нас всё-таки ему не удалось.

— Мы только попробуем. Скорехонько. Ты иди потихоньку один.

Когда Пётка разматывал удочку, Колёшка ещё пригрозил:

— Смотрите, ребята, заведёт вас эта зелёная!

— Куда заведёт?

— А вот увидишь. Как вечером драть станут, так поминай меня.

— Тебе какая печаль?

— Ну-к, мне столько же попадёт. Знаешь ведь, у нас матери? «Заединщина — заодно и получай!» Только и слов у них, а отцы похваляют: «Пуцай без обиды растут!» Говори вот вам!

— Не бойся, Кольша! Мы только два рэзичка. Это уж так точно. Без этого не пойдём.

¹ Урочище речки — место, где начинается река.

² Рукав — отделившийся от основного русла водяной поток реки, озера, пруда.

Пётъка насадил кобылку, поплевал ей на головку и забросил в середину самого дальнего прогала¹, какой можно было достать удочкой. Не прошло и полминуты, как поплавок глубоко нырнул, удилище дрогнуло, и Пётъка, закусив губу, как в драке, выметнул на мост большую рыбину. Это был елец, но Пётъка для важности назвал его подъязком. Мы не спорили — уж очень крупный елец. Такого можно и подъязком звать. Пётъке повезло: зелёная кобылка оказалась нетронутой, и он снова забросил соблазнительную приманку. Но на этот раз с поплавком было спокойно. Пётъка терпеливо ждал и в утешение себе говорил:

— Подъязков-то в нашем пруду так точно, а мелочь и подойти боится.

Чтобы не стоять зря, мы с Колюшкой тоже размотали удочки. Колюшка попробовал на червя, и вышло неплохо. Мелкие окунишки брали «по-собачьи», с трудом крючок достанешь. О насадке беспокоиться не приходилось — лишь бы прикрывала жальце крючка.

У меня тоже стали клевать мелкие ельцы и чебачишки. Пётъка всё чаще начал коситься в нашу сторону, но всё ещё надеялся на свою зелёную кобылку.

— Пф! Мелочь у вас! Такая к моей кобылке небось не подойдёт.

Но вот у него потянуло поплавок. Пётъка насторожился, опять закусил губу, ловко подсёк и вымахнул малюсенького чебачишку. Мы с Колюшкой захотали:

— О-о! Замах большой — добыча малая.

— Вот тебе и боится!

Пётъка сорвал с крючка чебачишку, швырнул его в воду, раскрошил и разбросал по мосту свою зелёную кобылку.

— Пошли не то, ребята! Пошевеливайся!

Но у Кольки брали окунишки, и он не прочь бы тут остаться до вечера.

— Клюёт ведь. Чего ещё? Тут бы поудили — да домой.

— Эх ты, маленький! Шли-шли, до порога не дошли, постояли да назад пошли. Разве это рыба? А там, может, таких надергаем, что ну!..

¹ Прогал — чистое, незаросшее место пруда.

— Ну-к, опоздаём, а мне уж поесть охота.

Упомянутое о еде было вовсе ни к чему — есть всем хотелось. В знакомых местах мы хорошо умели узнавать время по солнцу, а здесь как? С моста нам виден был рукав пруда. Извилистые берега так густо заросли ивняком и ольховником, что выхода ни в ту, ни в другую сторону не было видно. Рукав походил на озерко или на зарастающую старицу¹. С которой стороны тут восход, где полдень? Спросить бы у кого, сколько времени. На наше счастье, по длинному мосту загремела телега. Ехала какая-то женщина.

— Тётушка, который час?

— Не знаю, ребяташки. Из больницы я. Долго там сидела. Час, поди, пятый, а то и больше.

Ясно, она не знала. Откуда пятый, коли вовсе недавно утро было! Не может быть.

— Опаздываем, ребята! Слышали — пятый час! — попытался отговорить Колюшка.

— Не знает она. Насиделась в больнице — вот ей и показало. Пошли!

В ЛЕСУ ПОД ВЫСТРЕЛАМИ

В маленьком Вершинском посёлке все дома вытянулись одинаркой² вдоль тракта. Ближе и удобнее было идти трактом, но мы побоялись вершинских ребяташек: поколотят да ещё удочки поломают. Не любят наших — горянских.

Решили обойти посёлок по загородам, но это оказалось неудобно. Одни огороды были покороче, а другие глубоко уходили в лес. Пётка шутил:

— Самые окуновые места! Закидывай, ребята! Вон под сосной щука метнулась. Жерлицу бы тут, а? В самый раз!

Наконец попался какой-то особо длинный участок. Обхо-

¹ Старица — старое русло реки.

² Вытянулись одинаркой — стояли в один ряд.

дѣли-обходили его и вышли на зимник, по которому летом ходили на перевоз, а зимой ѣздили.

Широкая полоса зимней дороги между ровными стенами соснового бора оказалась чудесной. Вся она заросла белой ромашкой, сиреневой блошницей, желтой мыльнянкой, голубыми колокольчиками, малиновым иван-чаем. Над хрупкими осыпаящимися цветами мыльнянки вились какие-то редкие пестро-синие бабочки. Около длинных цветов иван-чая жужжали медунцы, гудел шмель, летали мелкие пичужки. По пестрой полянке чернели плотно утопанные тропинки — «рабочий ход».

— Ребята, обратно этой дорогой пойдём, по рабочему ходу, а?.. Я тут цветков нарву нашей Таютке, — сказал Петька.

— А Лесины не бойшься? — спросил Колька.

— Не узнает в потёмках-то. Вершинскими скажемся. Перевезёт!

Решив так, мы вперегонки побежали по тропинкам. Уж очень они хороши утопаны, и так их много. Долгоногий Петька, как всегда, опередил всех нас. Колька отстал. Там, где красивая полянка зимника перешла в каменный пустырь, Петька остановился и закричал:

— Гляди-ка, Егорша, масляник ровно бежит.

Низенький Колька и верно походил на молодой, крепкий масляк. Бежал он ровно, подавшись всем телом вперёд. Круглая голова и густые, плотно лежащие волосы медного цвета ещё больше делали его похожим на грибок, когда он только что вылезает из земли.

— Отстал, маленький?

— Ну-к что! Зато я этак-то хоть версту пробегу, а ты язык высунешь.

— Ну...

— Вот те и «ну»... А ты задерёшь башку, руками замашешь... Кто так бегает?

— У тебя поучиться?

— Хоть бы и у меня. Не думай, что ноги долгие, так в этом сила. Дых-от у меня лучше. Вишь, ровно и не бежал, а ты всё ещё продыхаться не можешь.

Это был старый спор. Петька в нашей тройке был выше всех. Худощавый, длиннорукий, с угловатой головой на длин-

ной шее, он легко обгонял нас. Но бегал он неправильно — закидывал голову и сильно размахивал руками. Оба мы старались уговорить Петьку, чтобы он «бегал по правилу», а Петька щурил свои чёрные косые глаза, взмахивал головой и говорил:

— Эх вы, учителя! А ну, побежим ещё.

Под этот спор мы прошли половину пустыря. Тут справа от него выходила торная¹ дорожка с прииска Скварец. Прииск совсем близко. Не только гудки слышно, но шум машины и поскрипывание камня под дробильными бегунами².

По этой дороге со Скварца «гнал на мах» какой-то крутолобий старичина в синей полинялой рубаше, в длинном холщовом фартуке, в подшитых валенках, но без шапки. Фартук сбился на сторону и трепыхался, как флаг. Старик был в таком возрасте, в каком обычно уже не гоняют верхом.

Глядя, как он, сгорбившись, высоко подкидывал локти, мы расхохотались, а Петька крикнул:

— Ездок — зелёна муха! Пимы³ спадут!

Старику, видно, было не до нас. Он даже не посмотрел на нашу сторону, направляя лошаденку к заводской конторе.

— На телефон пригнал. Случилось, видно, что-нибудь на Скварце, — сделал я предположение.

— Случилось и есть! — подтвердил Петька. — Не без причины караульный пригнал. Это уж так точно.

— Почему думаешь, караульный?

— На вот! Не видишь — старик в пимах... Кому быть?

— Пожар, поди...

— А гудок где? Завыло бы, а видишь — молчит. Нет, тут другое.

— Золото украли?

— Украдёшь, как же! Тятя сказывал — большая строгость у них. Стража там, начальство... Подступу нету. Всякого обыскивают. Догола раздевают. Украдёшь! Так точно.

— А много на Скварце рабочих?

¹ Торная — протоптанная.

² Дробильные бегуны — тяжёлые колёса, которыми дробят, мельчат камень.

³ Пимы — валенки.

— С тѣсячу, а то и бѳльше.

-- И все в землѣ? — спросил Колѳшка.

— Ты дѳмал — на ѳблаке? — захохотал Пѣтька.

— Ну-к, мѳло ли. У машин там, либо ещѣ где. А где они живѳт?

— Казѳрмы там. Помнѳгу в однѳм дѳме живѳт. Бѳльше пришлый народ. Отовсѳду. И нѳши, заводские, есть. Тѳлько они домѳй бѣгают чѣрез перевѳз.

По приискѳвой дорѳге опѳть показѳлись две лошадѣнки, запряжѣнные в песковѳзки. На той и другѳй таратѳйке стояли жѣнщины, размахивавшие концѳми вожжѣй. Из лесу наперѣз им вѳлетел на высѳкой гнедѳй лѳшади стрѳжник¹ с зелѣными витѳми жгутѳми на плѣчѳх и заорѳл:

— Кудѳ вы? Поворѳчивай сейчѳс же!

Жѣнщины чтѳ-то кричѳли в отвѣт, но нам нѣ было слѳшно.

¹ Стрѳжник — нѳзший полицѣйский чин в сѣльских мѣстностях.

Потом они повертели лошадей и трусцой¹ поехали обратно, а стражник направился к конторе. Старик уже вышел из конторы, и около него толпилось человек десять — пятнадцать. Стражник что-то сказал старику. Тот закивал плешивой головой, взобрался с чурбана на лошадь и поехал обратно. На этот раз шагом. Стражник ещё что-то говорил около конторы. Часть людей торопливо побежала к посёлку, а часть пошла к зимнику. За ними поехал и стражник.

Старик остановился у леса, привязал лошадь к сосне, сел на пенёк, достал кисет и стал крутить сигарку.

— Это так точно... — проговорил Петька.

— Что так точно?

— Видел — горная стража выскочила?

— Ну?

— Ну и ну... Только и всего.

На плотине с дребезжанием прозвучало пять ударов колокола.

— Пошли, ребята! Вон уж сколько часов!

— Верно тётка-то говорила. Опоздаем мы.

— Часика два порыбачим — и домой.

Пруд был тих и пустынен. Только на мостике между ледорёзами² стоял человек с удочкой да в дальнем заливе виднелся одинокий рыбак на лодке.

Место для рыбалки мы выбрали удачно. Колюшка первый вытащил довольно порядочного окуня. Потом пошло и у нас. Петька уже хвастался:

— Полторы четверти от хвоста до головы! Винтом шёл. Еле выволок его!

Два часа промелькнули, как миг. Когда плотинный караульный отдал семь ударов, Колюшка стал сматывать удочку.

— Ну-к, ребята, хватит! Тоже не близко, хоть и по перёвозу. То да сё — дождёмся потёмок.

— Испугался?

— Испугался не испугался, а порá. Есть мне охота.

— У тебя только и разговору, что об еде.

¹ Трусцой — не спеша.

² Ледорёзы — боковые устои моста для защиты его от напора льда.

— Ну-к, к слову я...

— Опять заколбовил!

Спускаясь с плотины, мы увидели, что старик сидит на том же пне, а около сосны стоит привязанная лошадь.

— Видно, стражник ему велел дорогу караулить. Оттуда не выпускают, а туда? Пустят - - нет?

— Дедко, что там случилось? — крикнул Петька.

— Свинюшка отелилась, — откликнулся старик.

— Нет, ты скажи толком.

— Толком — с волком, со мной — шутком.

— Свадебщик, видно, — догадался Петька и звонко закричал: — Ездок — зелена муха! Пимы потерял!

— Я потерял, ты подобрал — кто воров стал? — откликнулся старик.

— Тьфу ты, не переговоришь такого! — плюнул Петька.

Немного успели пройти по пестрой полянке зимника, как где-то близко — нам показалось, в лесу, слева — раздался выстрел. Было время охоты на боровую птицу¹, и выстрелы в лесу были не редкостью. Только тут происходило что-то непонятное. Не прошли и десятка шагов — опять выстрелы. На этот раз часто, один за другим. Снова одинокий выстрел, и опять — раз, два, три..

— Ходу, ребята! — крикнул Петька и бросился с полянки в лес направо, туда, где мы пробирались, когда шли вперёд.

На полянке зимника было ещё совсем светло, а в лесу уже стало по-вечернему неприветно, глухо, угрюмо.

Бежать лесом с удочками и ведёрками не так удобно, и наш Кольша растянулся. Он сломал удилище, поцарапал себе руку и рассыпал своих окуней. Невольная остановка, пока собирали рыбу, нас немного образумила.

Куда бежим? За чем?

Выстрелов больше не было, и мы отправились обратно к зимнику. На опушке оказался какой-то молодой мужик в розовой, измазанной глиной рубахе. Заметив нас, он негромко спросил:

— Вы куда?

— На перевоз. В Горянку нам.

¹ На боровую птицу — на птицу, живущую в бору (тетерев, рябчик, глухарь, белая куропатка).

— Не вѣлено тут! Вон, гляди, стражники...

Вдали мы увидели человек пять стражников. Разъезжал и тот, который заворотил женщин на прииск. Притаившись за деревьями, мы стали спрашивать мужика:

— Дяденька, а как нам в Горянку-то?

— Трактом попытайтесь.

— Тут-то хоть что?

— Ловят одного...

— Кого?

— Ну, начальство знает. Отойдите-ко, а то ещё налетит. Вишь, сюда глядят...

— Кто стрелял-то?

— А мне видно? Стражники, поди... Может, и тот стрелял.

— Кто?

— Да которого ловят... Уходите, ребята. Не вѣлено сказывать. Политика он... Поняли? Уходите сейчас же.

Слово «политика» мы слышали. Взрослые в наших семьях говорили это слово с опаской, потихоньку, но с уважением. Зато наш уличанский подрядчик Жиган орал на всю улицу, когда рассчитывался со своими рабочими:

— Вы что? Политика али что? Научились, главное дело, в чужом кармане считать! Покажу вот дорожку! Покажу! Становому¹ сказать, — живо отправит. Сибирь-то, она, брат... На всех, главное дело, хватит!

Опять слышались выстрелы. Редкие, гулкие, но тех, коротких и быстрых, на этот раз не было. Стражник на гнедом коне поскакал во весь опор к перевозу.

— Углядел что-то, коршун! — промолвил мужик в розовой рубахе.

Выстрелы стали чаще, но все такие же гулкие.

— Нашли дурака! Так он вам и покажет, где сидит!

— Он где?

— Кто знает, может — в этом лесу, может — давно через тракт перебежал. Ищи тогда! Простойм ночь у пустого места.

— Ты караулишь?

— Поставили, вот и стою. Что станешь делать! А вы лесом-то не ходите, прямо на огороды правьтесь. Перелезете

¹ Становой — полицейский начальник.

где-нибудь да по тракту и ступайте, а то ещё под нечаянную пúлю попадёте.

Мы послушались совета. Пошли прямо на огороды, перелёзли через прясло¹, прошли лесной участок и вышли на разделанное под огород место. Огород упирался в глухую стену надворных построек, проездные ворота были закрыты. Постройки были хорошие, под железными крышами. Видно, это был дом какого-нибудь заводского начальства.

Перешли ещё два-три огорода, а всё то же: глухая стена построек и закрытые ворота. Наконец попался нам «голый дом», у которого стояла одна покосившаяся конюшенка без крыши. Через прясло виден был тракт. Это как раз нам и надо было. И гряды здесь шли вдоль — удобно для выхода.

— Ну-к что, пошли, ребята! — И Кольша, помахая ведёрком и обломком удилица, пошёл по борозде между картофельными грядами, мы — за ним.

В это время яростно залаяла собачонка, выбежавшая из за конюшенки. За собачонкой вылетела женщина в синем платке, с какой-то узенькой крашеной дощечкой, должно быть от кросен².

Женщина угрожающе взмахивала дощечкой и кричала:

— Я вас, негодников! Нарву вот крапивы...

Кольша, однако, спокойно шёл прямо на женщину. Он у нас всегда такой! Без сноровки и в драку ходил. Мы, конечно, поторопились поддержать товарища:

— Мы, тетенька, не воровать...

— Нам только на улицу перелёзть.

— Что вам тут за дорога? — спросила женщина помягче.

— Не пускают зимником-то, велят по тракту. Мы и пошли огородом. Ничего не рвали, хоть обыщи!

Женщина цыкнула на собачонку и совсем спокойно стала спрашивать, чьи мы, как сюда попали и что видели на зимнике.

Когда мы рассказали, женщина раздумчиво проговорила:

— И здесь, поди, вас не пропустят. Вóзчиков вон всех заворотили. До Речек, слышно, облаву протянули. Недавно ваш горянский на паре лошадей стражников привёз. Как быть-то?

¹ П р я с л о — изгородь из тонких веток, прутьев.

² К р о с н ы — ткацкий ручной станок.

Ночевать, видно, вам у меня. А дома-то, поди, ждать будут. Спрашивались хоть у матерей-то?

— Нет, тётенька. Не спрашивались.

— Ох, ребята, горе с вами! На-ко, куда, не спросясь, убежали! Как теперь, а?.. Темно ведь скоро будет, а то бы по Коровьему прошли, а там берегом. Заботьтесь по потёмкам-то?

— Не забоймся, тётенька! Не маленькие, поди.

— Видать! Так вы не то по заогородам ступайте. Тут их всего восемь осталось. У последнего-то огорода, от крайнего столба, прямехонько идти. Тропки там пойдут к болоту — оно ныне сухое. Ишь в огороде-то всё сгорело. Вдоль того болотца и ступайте. Оно вас к пруду выведет. Там мысок есть. На этой стороне мысок и на той мысок. Это и будет Коровье. Тут хоть широконько, а мелко: коровам по брюхо. Мы тут когда бегали... в обход мостиков. Много короче выходит. А дальше — тропка, прямехонько к Перевозной горе. Знаете, поди, те места?

На плотине пробило девять. Колёшка не поверил:

— Просчитался дедко. Девять отбил!

— Девять и есть, — подтвердила женщина.

Когда мы пошли обратно к пряслу, она остановила нас:

— Постойте-ко, ребята, я вам хоть по кусочку дам. Захотели, поди, рыболовы?

Отказываться мы, конечно, не стали, и женщина вынесла нам три ломтика круто посоленного ржаного хлеба.

— Передайте матерям-то поклончик от Настасьи Огибениной. Пущай хорошенько вас надерут! — И сейчас же предупредила: — Вы, ребята, через прясла-то не ползайте. Тут через два огорода такие кикиморы¹ живут. Придумали цепную собаку в огород спускать. Оборвет пятки-то. По заогородам идите! Да не забывайте — от последнего столба прямо. А как переходить станете, на мысок правьтесь. Направо-то глубоко. Не утоните хоть!

— Мы, тётенька, плавать умеем.

— Сажонками, по-собачьи, по-лягушачьи. Это уж так точно.

— Вижу, что мастера. По три раза на день таких драть и то, поди, мало. Ох, ребята, ребята!..

¹ Кикиморы — здесь: неприятные, сердитые люди.

И вот мы опять в лесу, за огородами. Хлеб тётушки Настасьи оказалсЯ летучим — в минуту ни у когó не оказалсЯ.

— Лучше бы она и не давала! — печально вздохнул Колюшка, а Пётка набросился:

— Ты опять о хлебе! Под ноги гляди. Рыбу не рассыпь. Смотри тихо, ребята! В оба гляди!

В лесу становилось темно. Трава под ногами потемнела и казалась мёртвой. Откуда-то появилось много мелких чёрных сучьев. Куда ни ступишь — хрустят. Пока пробирались по заогородам, лес был «свечкой», а от крайнего столба пошёл «мохнач», какой растёт около болот. В таком лесу, да ещё с большой примесью мелкого, и днём на пяти шагах человека не найдёшь, а вечером и подавно. Тропку всё-таки нашли без труда, и она вывела нас к болоту. Идти стало хуже. То и дело под ногами подвёртывались узкие сухие кочки с глубокими провалами между ними. Провалишься — и под ногой обязательно хрустнет. Откуда только насыпалось столько всякой дряни! А Пётка шипит:

— Ш-ш... ты! Тихо! Слышишь — говорят.

Болото подходило местами близко к тракту. Оттуда вдруг слышались голоса:

— Не игóлка, главное дело... Кругом обложено. Укажут ему дорожку, укажут! Сибирь-то, она на всех, главное дело, хватит.

— Не горячись ты, сват! Может, он близко где... слышит тебя.

— А я боюсь? Да мне, главное дело, попадись только: сразу — прощай, белый свет...

Дальше не стало слышно, но мы все узнали, что это говорил наш уличанский подрядчик Жиган.

— Откуда тут Жиган? — прошептал Пётка.

— Он, может, стражников-то и привёз из Горянки. Тётенька про которых сказывала.

— И то... Тихо, ребята!

Болотце пошло влево, и голосов вовсе не стало слышно. Но от этого было ещё страшнее. А вдруг заблудились! Уклон стал заметнее. Под ногами захлупала вода.

— Она говорила, пересохло болото, а тут вода. Неладно, видно, идём, — сказал Кольша.

— К пруду пошло, то и вода. Не видишь — кусты там? Берег, значит... Тихо, ре...

Петька замер, не договорив слово. Остолбенели и мы.

Вправо от нас, прислонившись к сосне, сидел человек. В потёмках нельзя было разобрать, молодой или старый, но без бороды и усов. Было видно, что одна нога у него разута, другая в сапоге. Правая рука была под широковерхой фуражкой, которая лежала на земле.

Человек сидел и молчал. Мы тоже молчали. Потом он попросил:

— Хлебца у вас, ребятки, нет? Кусочка...

Эти простые слова сразу успокоили. Даже веселее стало. Всё-таки с большим, а то вообще страшно в лесу.

Узнав, что у нас нет ни крошки, незнакомец стал нас спрашивать, зачем мы сюда попали, кто наши отцы, где живут, куда мы идём.

Мы наперебой принялись рассказывать, а он то и дело напоминал:

— Потише, ребятки, потише. Не кричите!

Когда мы рассказали, что хотим перейти пруд бродом, незнакомец заговорил быстрее, короче:

— Брод? Где? За этими кустами? Мне бы с вами.

Помолчав немного, незнакомец сказал:

— Ну-ка, ребятки, кто из вас покрепче?

Этот вопрос в нашей тройке давным-давно был решён и сотни раз проверен. Мы с Петькой враз указали на Колюшку:

— Вот, дяденька, он.

— Этот? Всех меньше, а всех сильнее?

— Это уж так точно. Оби́х оборáет¹ и на палке перетягивает. Медвѣдком его зовѣм.

— Медвѣдком? — усмехнулся незнакомец. — Ну-ка, подойди поближе. Встань вот сюда. Попытаем твою силу. — И он положил обе руки на плечи Колюшки, но сейчас же снял.

— Нет, ничего не выйдет. Идите вперёд, ребятки, а я волюком за вами.

— Ты идти-то не можешь? — спросил Колюшка.

¹ Оборáет — побеждает в борьбе.

Прислонившись к сосне, сидел человек.

- Тó-то, Медвѣдушко, не могу...
- Подстрелили тебя?
- Мнóго узнаешь — дѣдом станешь. Иди.
- Ну-к, я сапóг не то твой понесу.
- Это дѣло.

Незнакóмец надѣл фура́жку. Под ней оказáлся большóй револьвѣр. Сунув револьвѣр в лѣвый карман кúртки, рáненный лёг на правый бок, подогну́л, наскóлько мóжно, здорóвую нóгу вмѣсте с прижáтой к ней рáненной, оперся рука́ми о зѣмлю и подтяну́лся вперѣд.

В густóй зарóсли кустáрника мы нашли изви́стую, переплетѣнную корневи́щами, но ширóкую тропу́. По ней, вѣдно, спуска́лись корóвы, когдá ста́до пасли на э́том леснóм учáстке. Тропа́ выходила на песча́ный мысóк, о котóром говори́ла тѣтушка Настáсья. Брод и вѣход к дóму бѣли перед нáми.

МИМО ДВОЙНОГО КАРАУЛА

Пѣтька пѣрвым вѣбежал на мысóк и сейча́с же зашипѣл на нас:

— Тш... тш... Тѣше вы! Разговóр гдѣ-то...

Мы прислу́шались. Спра́ва как бúдто доноси́лись голоса́, но так смúтно, что Колю́шка заспóрил:

— В уша́х у тебя́, Пѣтьша, звенѣт.

— Как не так! Слу́шай хороше́нько. Вот...

На э́тот раз дово́льно я́сно донѣсся смех.

Пѣтька побежа́л к рáненому, котóрый с трудóм, тѣхо поста́нывая, пробира́лся по корóвье́й тропѣ.

— Там, дяденька, разговáривают. Мнóго...

— На том берегу́?

— Нет, на э́том же, то́лько подáльше.

— Ну погодѣ — сам послу́шаю, а вы потѣше.

Рáненный подпóлз к са́мому бѣрегу и стал прислу́шиваться.

— Говоря́т гдѣ-то. Не б́лизко то́лько. Это по воде́ наносит.

Потише всё-таки нам надо. Как бы не услышали. Ну, кто первый брод пытáть¹ б́удет?

Мы не застáвили себя ждать, но Пётка всё же опередил. Он ужé был в водé и хвалился:

— Как щёлк, водá-то! Теплэхонька.

— Тише, ребятки! Не б́улькайтесь! Если глубокó, л́ушке вернитесь, — посове́товал рáненный.

Брод оказáлся удóбным, но в однóм мéсте, б́лиже к томú б́ерегу, б́ыло всё-таки глубокó. Переползти́ тут и высóкому челóвеку б́ыло невозмóжно. В́ыбравшись на другóй б́ерег, все мы, стучá зубáми от хóлода, п́ервым дéлом реш́или:

— Нет, не переползти́ емú.

— Глубокó. Где переползти́!

— Кóльше до сáмого гóрла дохóдит. Куда!

Подскáкивая на пескé, я уколóл себе нóгу. Ухват́ившись рукóй за больнóе мéсто, нащúпал чтó-то лéгонькое. Оказáлась слóманная серёжка.

— Гляди́-ка, ребята!

— Мóжет, золотáя?

— Золотáя! Кому́ тут зóлото теря́ть. Медя́шка — э́то так то́чно. Пятáк пáра... Постóй-ка, ребята... мóжет, тут перевóз вóвсе б́лизко. Сбéгать бы поглядéть. Вон она́, трóпка-то!

— Без рубáх?

— Ночь ведь.

— Хóлодно...

— А мы бегóм.

— Ну-к, а тот?

— Что — тот?

— Подúмает — убежáли...

— Это так то́чно. Тогда́ не то вот как... Ты ступáй к немú, а мы с Егóршей сбéгаем. Нельз́я ли там лóдку подцепи́ть. Так емú и скажи́: лóдку, мол, искáть пошли́, а без э́того емú не переползти́.

— А ёсли вас поймáют?

— Без рубáх-то?

— Ну...

— Егóрша тогда́ св́истнет. Услы́шишь небóсь.

¹ Брод пытáть — то есть искáть мéлкое мéсто поперёк реќи.

— Тогда погодите. Сперва я перебереду. Боюсь я один по воде-то.

Мы подождали, пока Колюшка переходил пруд, потом побежали по плотно утоптанной тропинке. Взошла луна, и по лесу легли белые полосы. Страху всё-таки не стало. Мы знали, что позади нас люди и впереди, где-то близко, тоже. Дорожка была удобна. Она вывела нас к тем ручьям, где мы утром искали золото.

— Гляди-ка, Егорша, сколь мы давеча зря колесили. Тут вообще прямо. А это уж к Перевозной горе пошло. Верно? Узнал место-то? Дураки были — кругом-то шли.

Под ногами пошёл плитняк. Надо было выбирать, как лучше ступить, чтобы он не расползлся и не гремел под ногами. На этом ползучем плитняке потеряли было тропинку, но вскоре нашли. Дальше опять она пошла хорошо убитая, удобная.

Место здесь было знакомое, и мы почувствовали себя ещё лучше.

На перевозе было тихо. Недалеко от перевозной избышки горел костёр. У костра спиной к нам сидели двое. В одном мы сразу узнали Яшу Лесину. Другой был незнакомый. Паром и все четыре перевозных лодки стояли у этого берега. Паром приходился как раз перед избышкой, а лодки были зачалены¹ вдоль берега, ближе к нам. С краю стояла тяжёлая лодка, человек на двадцать. Выбирать, однако, не приходилось: только её и можно было увести незаметно.

Петька указал пальцем на лодку, и оба мы, прýчаясь за деревьями, стали спускаться к берегу. Осторожно сняли чалку² с пенька, ещё осторожнее вошли в воду и, пригнувшись за правым бортом, легко сдвинули и повели лодку. Делалось это молчком. Тишину нарушали только всплески крупной рыбы в пруду да глухой гул голосов около костра.

Под ногами опять пошёл плитняк. В воде по нему идти было ещё хуже. Влезли в лодку, сели за весла и поплыли, стараясь не шуметь. Лодка была тяжёлая для нас, но всё же подвигалась, только виляла: то пойдёт вглубь, то лезет прямо на берег. Каждому из нас казалось, что виноват другой, и мы до того забылись, что стали громко перекоряться.

¹ Зачалены — привязаны.

² Чалку — верёвку.

— Потіше, ребя́тки! — образумил нас го́лос с бе́рега.

Это бы́ло так неожі́данно, что мы о́ба чуть из ло́дки не вы́прыгнули. Оказа́лось, что незнако́мец с Ко́льшей да́вно услы́шали нас и са́ми позабо́тились найт́и удо́бное для прича́ла ме́сто. Оні́ вы́брались по́выше мыска́. Незнако́мец сиде́л на береговом ка́мне, а ря́дом сто́ял Ко́льша со все́ми удо́чками, ведёрками и на́шей оде́ждой.

— Кормо́й подводи́, ребя́тки! — распоря́дился ра́ненный и, когда́ ло́дка зашурша́ла бо́ртом о ка́мень, похва́лил: — В са́мый раз. Молодцы́, ребя́тки. Замерзли, поди́, без одежо́нки-то?

— Нет, дя́денька. Вспоте́ли да́же.

— Скажи́те, как вам ло́дку посо́било увести́? Ви́дели ко́го на перево́зе?

Мы расска́зали. Ра́ненный спроси́л:

— Все, говори́те, ло́дки у паро́ма?

— Ну, а как же! Четы́ре их. Все оні́ тут.

— На том бере́гу нет?

— Отку́да?

— А вы гляде́ли?

— Да не ви́дно там. К ку́стам-то та́мошним во́все черно́.

— Так, — промолви́л ра́ненный и ещё́ раз спроси́л: — Не ви́дно от паро́ма тот бе́рег?

— Ниско́лечко. Это уж так то́чно.

— У тебя́ о́тец из солда́т, что ли?

— Нет, моего́ не бра́ли. Вон у Егору́ши с Ко́льшей о́тцы в солда́тах бы́ли.

— У них и научи́лся?

— Такто́чнать-то? ¹

— Ну...

— Да у меня́ тя́тенька э́так не говори́т, — заступи́лся я за своего́ о́тца.

— А у меня́? Кто слыха́л? — отозва́лся Колю́шка.

— Привы́чка така́я... Это уж так то́чно, — поту́пился Пе́тио́нька.

— Эх ты, голова́н! Привы́чка ста́рая, а го́ды ма́лые! — рассме́ялся ра́ненный. — Ну, вот что, ребя́тки!.. Оде́лись? Ставь свой веде́рки да удо́чки в ло́дку. К перево́зу мне не́зачем.

¹ Такто́чнать — ча́сто говори́ть «так то́чно».

В той сторонé, вѣдно, ждут меня: Попыта́емся по э́тому бе́ре-гу. То́лько вы, чур, молчо́к. По́няли? Кто бы ни спра́шивал — ни одно́го сло́ва! Ла́дно?

Нам ста́ло не по себе́.

— Тепе́рь садите́сь, ребя́тки, а я пото́м.

Мы забра́лись в ло́дку. Ра́ненный ло́вко переки́нулся с ка́м-ня на кормову́ю скаме́йку и стал гото́виться в путь. Он пе́рвым де́лом вы́тащил из карма́на револьве́р и положи́л его́ на ска-ме́йку, под пра́вую ру́ку. Снял ку́ртку и надел отку́да-то взяв-шийся широ́кий рабо́чий фа́ртук, повязал ли́цо платко́м, бу́д-то у него́ болят зу́бы. То́лько у́зел сде́лал не swéрху, а на са́-мом подборо́дке. Вме́сто фура́жки надел вы́тащенную из кар-ма́на шляпу-ка́танку¹, в каки́х хо́дят на огневу́ю рабо́ту².

У нас начался́ бы́ло спор, кому́ сиде́ть на ве́слах, но ра́не-ный стро́го прика́зал:

— Без спо́ру! Сам рассу́жу, как на́до. — И велел Пе́тьке сесть к пра́вому веслу́, мне — к ле́вому, а Колю́шке сказа́л: — Ты, Медведу́шко, в са́мый нос ступа́й да повы́ше ка́к-нибудь взмо́стись³. Не упади́ то́лько.

Когда́ все пригото́вления ко́нчились, ра́ненный си́льно от-толкну́лся весло́м от ка́мня. Ло́дка тепе́рь пошла́ без виля́ний и го́раздо бы́стрее, чем у нас с Пе́тькой. Держа́лись не бли́зко к бе́регу. Там, где бе́рег де́лает круто́й поворо́т напра́во, нас окли́кнули:

— Эй! Кто плыве́т? Отзови́сь!

Нас удиви́ло, что незнако́мец напра́вил ло́дку на го́лос.

Не подплыва́я, одна́ко, к бе́регу, он споко́йно отозва́лся:

— Тихо́нько говори́! Вро́де объе́зда мы. Стра́жники велели объе́хать.

— Так ведь мы кара́улим...

— Не ве́рят, вѣдно.

— Са́ми бы тогда́ и кара́улили! Гоня́ют наро́д. Мне у́тром-то, поди́, на рабо́ту, — серди́то сказа́л го́лос с бе́рега.

— Нам, ду́маешь, на пола́ти? ⁴

¹ Шляпу-ка́танку — шляпу, скáтанную из войлока, с больш́ими поля́ми.

² На огневу́ю рабо́ту — здесь: на рабо́ту вóзле огня́.

³ Взмо́стись — поднимись, сядь.

⁴ Пола́ти — ме́сто для спанья́ (насти́л из досо́к под потоло́ком).

- То и говорю — мытарят¹ народ.
- Кто у тебя с правой-то руки стоит? — спросил незнакомец.
- Поторочин Андрюха, из Доменной улицы... Слышал?
- Как не слышал — в родне приходится. А с левой руки кто?
- К перевозу-то? Никого нету. На краю стою.
- Как нету? Стражники говорили — везде поставлены.
- Слушай ты их больше! Говорю, нету. Кого там караулить? Между зимником и трактом тот сидит. Коли он брод знает, и то не уйти. По всему тракту до самой плотины люди нагнаны и стражники ездят. Не уйти мужику. Вы не слышали чего?
- Нет, не слышали. Ты потише говори — не велено нам.
- А ты испугался?
- Что поделаешь! У них палка, у нас затылок.

¹ Мытарят — мучат, издеваются.

— Тó-то у тебя все как онемели. Ты сáм-то хоть чей бúdeшь?

— Не призна́л¹, ви́дно?

— Не призна́л и есть.

— Подума́й-ко... Делать-то всё еди́но не́чего.

— Скажи́сь, кро́ме шу́ток.

— Не вéлено, говорю́. За́втра всё скажу́.

— Ши́бко ты боязли́вый, гляжу́.

— Да ты не сердись! Говорю́, за́втра узна́ешь, а пока́ по-ма́лкивать ста́нем.

И незнако́мец махну́л нам руко́й — гребите. Мы налегли на вёсла, и лóдка пошла́ под сáмым бе́регом.

На парóмной при́стани никогó не́ было. Прóтив, на Перево́зной горé, всё ещё горéл костёр. Когда́ подплыли бли́же к заво́ду, незнако́мец проговорил:

— Ну, спаси́бо, ребя́тки, — вы́ручили напо́лови́ну. Как да́льше бúdeм? Ещё помога́ть ста́нете и́ли уж бúdeт? Натерпе́лись стра́ху-то?

— Пусть друго́й кто бо́ится. Мы не стру́сили! — сказа́л Пётъка.

— Ты за себя́ говори́, а не за всех.

— Так мы, поди́-ка, заеди́нщина, — поспешил я поддержа́ть Пётъку.

— Ты что ска́жешь, Медвёдка?

— Ну-к, я — как Пётъша с Егóршей.

— Тогда́ вот что, ребя́тки... Я вам покажу́ ме́сто, где меня́ иска́ть. То́лько чтоб никому́... По́няли?

Мы ста́ли уверя́ть, что никому́ не ска́жем.

— Ни отцу́, ни ма́тери. Не то хúdo бúdeт. Знаю́ ведь, в ко́торой у́лице живёте.

— Да что ты, дя́денька, ра́зве мы таки́е!

— Ну, ма́ло ли... Сла́вные бۇдто ребя́тки, да не знаю́ ва́ших отцо́в. То и говорю́ так, а вы за оби́ду не счита́йте. Ну, а е́сли вы́дадите, беда́ вам бۇдет.

Когда́ мы ста́ли уверя́ть, что никому́ ни за что не ска́жем, ра́ненный заговорил о́пять ла́сково:

— Ла́дно, ла́дно — ве́рю. Слу́шайте вот, что вам скажу́.

¹ Не призна́л — не узна́л.

Сейчас мы подплывём к прósеке¹ на Карандáшеву гóру. Тут ещё рудник был. Знаёте?

— Костяники там много по ямам бывáет.

— Ну вот. Прóтив этой прósеки я и вы́лезу. Тóлько не на берегу́ б́уду, а постара́юсь за́ ночь переползти́ к покóсной доро́жке. Лес там мёлкий, да густой. Вот там и б́уду вас ждать. А вы мне хлéба притащите да черепóк какой под во́ду. Лáдно?

Мы, конечно, согласи́лись.

— А как меня́ иска́ть б́удете?

— Придём туда́, крича́ть ста́нем, ты и отзови́сь.

— Вдруг не узнаю ва́ших голосóв, тогда́ как?

— Тогда́... тогда́ Егóрша пусть сви́стнет. Он у нас пёрвый по у́лице. Больши́е прóтив него́ не мо́гут. Так сви́стнет — срáзу услы́шишь.

— Нет, ребята́, это́ не годи́тся. Вы лу́чше так сде́лайте. Иди́те из Горя́нки по покóсной доро́ге. Как дойдёте до Карандáшевой гóры, до прósеки этой, поворо́тите на неё да к пруду́ и ступа́йте — и всё одну́ пёсенку по́йте. Какую́ знаёте?

— Ну, про желе́зную доро́гу:

Полотно́, а не доро́жка,
Конь, не конь — сороконо́жка...

— Вот... Её́ и по́йте потихо́ньку, а я отзову́сь. А е́сли не отзову́сь, — значи́т, меня́ тут нет.

— Ты где б́удешь? — спроси́л Пётка.

— Как приде́тся. Сам не знаю́. А тепе́рь пристава́ть ста́нем. Вон она́, прósека-то.

Высадивши́сь на бе́рег, ра́ненный посоветова́л:

— Вы, ребята́, так под бе́регом и плы́вите. У кра́йних у́лиц где-нибудь и выса́дитесь. Ва́ша-то кото́рая?

— Пя́тая с э́того конца́.

— Тогда́ порáньше. А то, поди́, ждут вас — заме́тят. Да лóдку-то оттолкните́! Её́ за́ ночь к плотине́ и унесёт. Вишь, в ту сто́рону ветерко́м потяну́ло. Не проболта́йтесь смотре́йте!

Оста́вшись одни́, мы до́лго снача́ла молча́ли. Лóдка у нас завихля́лась. Колю́шка перебра́лся к рулево́му веслу́, и всё э́то молчко́м.

¹ Прóсека — очи́щенная от дере́вьев полоса́ земли́ в лесу́.

Пёрвым заговорил Пётка:

— Гляди, ребята, чтоб ни-ни! Колотить дома будут — говори одно: ходили на Вершинки.

— Отлупят всё равно.

— Ну-к, про это что говорить...

— Это уж так точно. Готовься, ребята! Только чтоб ни словечка про того-то! Да хлеба-то припасайте. Покормят, поди, нас... Отлупят сперва, потом кормить станут. Не зевай тогда! Ты, Егорша, у бабушки ещё попроси. Скажи, не наелся. Она тебе ещё отрежет, а ты — в карман.

Была глубокая ночь, но в домах кое-где видны были огни. Фабрика молчала — был летний перерыв. Только над домной взлетали столбы искр.

Чем ближе мы подплывали, тем страшней становилось. Вот и Вторая Глинка. Через одну улицу наша Каменушка.

— Правь, Кольша, к плотуку. Высаживаться, видно, надо.

Мы высадились на плотик, уложили вёсла в лодку, повернули её носом вглубь, оттолкнули от плотика, а сами по гибким доскам вышли на берег. Пройти ещё шесть-семь домов до переулка, пересечь Первую Глинку — и мы дома... Никто, однако, не радовался. Каждый только пошарил в своём ведре и рыбу покрупнее вытащил наверх.

— Ну-к, я говорил — заведёт нас зелёная. Вот и завела!

— Чудак ты, Кольша! Человека из беды выручили, а ты материной трепки испугался.

— А что, если, ребята, это конный вор?

Сначала мы просто опешили¹ от этого вопроса, потом принялись доказывать Кольше, что это он вовсе зря придумал, что конных воров народ ловит, а не стражники, револьверов у конных воров не бывает, а подпилки да верёвка.

— Ну-к, я тоже думал — не вор, — успокоил нас Колёшка. — Это он сам, как мы вдвоём-то оставались, всё про лошадей спрашивал. Я сказал, что у Жигана девять лошадей, а он говорит — это мне не надо, скажи про рабочих, у кого есть лошадь. Вот я и подумал, на что ему.

— Сказал про лошадей-то?

— Всех перебрал на нашей улице...

¹ О п е ш и л и — растерялись от неожиданности, удивления.

- А он что?
- Не знаю, говорит, этих людей.
- Ну, вот видишь! Он знакомого человека ищет, и с лошадью. Перевезти его. Это уж так точно. А что, ребята, если Гриньке сказать? Он нашёл бы лошадь.
- Выдумал! Тебе что говорили? Если скажешь — я с тобой не заединщик.
- И я тоже.
- Ладно, ребята! Завтра спросим... про Гриньшу-то. Всё это говорилось на берегу. Лодку отнесло так далеко, что едва можно было разглядеть. Домой всё-таки надо идти. Ох, что-то будет?..

ДОМА

У всех нас матери не спали.

Встретили горяченько, но вовсе не так, как мы ждали. Отцов у нас с Пёткой не оказалось дома. По первым же словам мы поняли, где они.

Матери даже не спросили, как, бывало, раньше, когда мы опаздывали: «Что долго? где шатался? куда носило?» — а сразу перешли к приговорам:

— Я тебе покажу, как за большими гоняться! Будешь ещё у меня? будешь? будешь?

— Больших угнали, а ты куда полёз? Тебя кто спросил? кто спросил? кто спросил?

— Стражники наряжали? ¹ наряжали тебя? наряжали?

— Будешь помнить? будешь помнить? будешь помнить?

Вопросы, по обычаю тех далёких дней, подкреплялись у кого вицей ², у кого — голиком ³, у кого — отцовским поясом. Мы с Пёткой орали на совесть и отвечали на все вопросы, как надо, а терпеливый Колюшка только пыхтел и посапывал. За это ему ещё попало.

¹ Наряжали — здесь: заставляли, приказывали идти в наряд; наряд — караул, дежурство.

² Вией — розгой, прутом.

³ Голиком — веником.

— Наказáнье моё! Бúдешь ты мне отвечáть? бúдешь? бúдешь? Слышь, вон Егóрко кричít — бúдет пómнить, а ты бúдешь? А, бúдешь? Смотри у меня!

Пóсле распрáвы я сейчáс же забрáлся на сеновáл, где у меня была лётняя постель.

Пётъка со своим стáршим брáтом Гриньшей тóже спáли лётюм на сеновáле. Пострóйки близко сходились. У нас был продéлан лаз, и мы по двум горбíнам¹ легкó перебирались с одного сеновáла на другóй. На этот раз Пётъка перелéz ко мне и зашептáл:

— Гриньша тут. Спит он. Потíше говори, как бы не услышал. Про Вершинки-то сказа́л?

— Нет. А ты?

— Тóже нет. Тебя́ чем?

— Голикóм какíм-то. Нискóлько не бóльно. А тебя́?

— Тя́тиным по́ясом. В ладо́нь он шириной-то. Шумít, а по тéлу не слы́шно. Гляди́-ко у меня́ что! — И Пётъка сýнул чтó-то к сáмому моему́ нóсу.

По óстрому за́паху я срáзу узна́л, что это ржанóй хлеб, но всё-таки ошúпал рука́ми.

— Э́тот — большóй-то — мне Афíмша далá, а мáленький — Таю́тка. Она́ с мáмонькой в сéнцах спит. Как я заревёл, она́ пробудíлась, соскочíла с кошóмки², подалá мне этот кусóк: «Нá-ка, Пётенька!» — а самá сейчáс же плю́хнулась³ и уснóла. Мáмонька рассмея́лась: «Ах ты, потакóвщица!»⁴ Ну, а я вы́рвался да дёру. Под сара́ем Афíмша мне и подалá эту ломóтину. Ишь оцарáпнула — это́ так тóчно!.. Ещё, мóжет, покóрмят. Не спят у нас. Ну не покóрмят — мы этот, Таю́ткин-то, съедíм, а большóй тому́ оста́вим. Лáдно?

Мне стáло завíдно. Лóвко Пётъке! У него́ четýре сестры́. Таю́тка вóвсе мáленькая, а тóже кусóчек припаслá. А меня́ и не покóрмит никто́!

¹ По горбíнам — по доскáм; горбíна — крáйняя доскá, отпíленная от бревнá.

² Кошóмка — то же, что кошмá — большóй кусóк вóйлока, плóтного материáла, свáянного из овéчьей или корóвьей шёрсти.

³ Плю́хнулась — повали́лась, упáла.

⁴ Потакóвщица — то же, что потáтчица — здесь: дóбрая, котóрая всех жалéет.

Но вот и у нас во дворе зашаркали по земле башмаками. Пётка толкнул меня в бок:

— Твоя бабушка вышла!

Смешной Пётка! Будто я сам не знаю. Шарканье башмаков затихло у дверей в погребницу¹. Скрипнула дверка. Минуты две было тихо, потом послышался голос:

— Егорушко! Бегі-ко, дитёнок!

Да, бабушку тоже неплохо иметь!

Пётка шепчет:

— Ты ещё попроси! Не наелся, скажи. А сам не ешь! Почамкай только. Она не увидит.

Быстро спускаюсь с сеновала и подбегаю к погребнице. Бабушка нащупывает одной рукой мою голову, а другой подаёт большой ломоть хлеба.

— Поешь-ко, дитятко! Проголодался, поди? Шуточно ли дело — с одним куском целый день. Да не поворачивай кусок-то. Так ешь!

По совету Пётки, я начинаю усиленно чавкать, будто ем, и в то же время спрашиваю:

— Ты, бабушка, видела мою рыбу-то?

— Видела, видела... Хорошая рыбка. Завтра ушку сварим.

— Окуня-то видела... большого? Еле его выволок. С фунт, поди, будет. Будет, по-твоему?

— Кто знает... Хорошая рыбка. Как у доброго рыболова.

— Чебак там ещё... Видела?

— Ну, как не видела... Всё оглядела. Пособник ведь ты у меня! — И бабушка поглаживает меня по голове.

Я всё время усердно чавкаю, потом говорю:

— Бабушка, я не наелся.

— Съел уж? Вот до чего проголодался! А мать-то и не подумает накормить! Сейчас я, сейчас... сметанкой намажу... Ешь на здоровье.

В это время хлопнула дверь избы, и мама звонко крикнула:

— Ты, рыболовна хворь! Иди-ко! Сейчас чтоб у меня!

Голос был строгий. Надо идти, а куда кусок, который я держал за спиной? Тут оставить — Лютра схамкает². В кар-

¹ Погребница — здесь: постройка, сарай над погребом.

² Схамкает — съест.

ман такой не влезет... Как быть? Сунул за пазуху — сметана потекла. Тоже бабушка! Всегда она так!

На столе оказались горячая картошка с бараниной, творожный каравай и кринка молока. Но приправа была горькая — мама плакала. Лучше бы она десять раз меня голиком, чем так-то. И я тоже разревелся.

— Не будешь больше?

— Не буду, мамонька! Вот хоть что... не буду. Засветло домой... всегда...

— Ну ладно, ладно... Хватит! Поешь вот... Один ведь ты у меня.

После этого я уж мог есть без помехи. На душе светло и весело, как после грозы. Но ведь надо ещё тому запастись. Об этом я не забыл да и забыть не мог: струйки сметаны с бабушкина ломтя стекали на живот и холодили. Было щекотно, но я всё время поёживался и крепко ежимал ноги, чтобы не протекло. Как тут забудешь!

Припрятать что-нибудь, однако, было трудно. Мама стояла тут же, около стола, и смотрела на мою быструю работу. Бабушка тоже пришла в избу и сидела недалёко.

По счастью, в окно стукнули. Это Колюшкина мать зачём-то вызывала мою.

Тут уж надо было успевать.

Я хватил два ломтя хлеба и сунул их за пазуху, а чтобы не отдувалась рубашка, заправил их по бокам. Быстро выбросил из правого кармана всё, что там было, и набил его картошкой с бараниной. С левым карманом было легче. Там лишь берестяная червянка. Вытащить её, выгрести остатки червей, наполнить карманы рыхловатым, тепловатым караваем — дело одной минуты.

Когда мама вернулась, я был сыт и чувствовал бы себя победителем, если бы не проклятая сметана. Она уже ползла по ногам, и я боялся, что закаплет из левой штанины.

— Зачём Яковлевна-то приходила?

— Молока кринку унесла, Колюшку покормить. Ушка, говорит, оставлена была, да кошка добылась¹. Ну, а больше и нет ничего. Картошка да хлеб, а накормить тоже охота рыболова-то своего.

¹ Добылась — здесь: добралась, съела.

— Как ведь! Всякому охота своего дитёнка в сытё да в теплѣ держать... Трудное у Яковлевны дѣло. Пятеро, все мал малá мѣньше, а сам вѣсье старик. Того и гляди, расчитают либо в караул переведут... На что только другой раз женился!

— Подымет Яковлевна-то. Опоясками да вожжами всё-таки зарабатывает.

— Работящая бабёночка... что говорить, работящая, а труднёнько будет, как мужчиной копѣйки не стáнет. Ой, труднёнько! По себѣ знаю.

Мне давно порá бы́ло уходить. Под разговор мамы с ба́бушкой я думал убраться незамѣтно, но мама остановила вопросом:

— Егоранько, вы хоть где бы́ли-то?

Вопрос мне вѣсье не понравился. Неужели Колюшка про Вершинки вы́болтал? Как отговориться?

— Рыбáчили мы...

— В котóром, спрашиваю, мѣсте?

— На песках сперва... Тут Пѣгыша подъязка поймáл.

— Ну?

— А я окуня... большóго-то...

Мама началá сердиться:

— Не про окуней тебя спрашиваю!

Но тут вмешáлась ба́бушка:

— Да будет тебе, Семёновна. Смотри-ка, парнишка весь ужáлся, нóги его не держат... Выспится — тогда и расскажет. Ночь на дворе-то. Светать, гляди, скоро будет... Иди-ко, Егорушко, поспи.

Хорошая всё-таки ба́бушка у меня! Когда подходил к порогу, она потрепала по спинѣ и ласково шепнула:

— В сѣнцах-то, над двёркой, кусок тебе положила. Ты его возьми с собой, а утром съешь. Тихонько бери, не перевёртывай.

— Со сметáной?

— Помázала, дитятко, помázала... Неуж одному-то внучóнку пожалѣю... Что ты это! Что ты!

Я и без того знал, что ба́бушка не жалела. Очувившись в тѣмных сѣнцах, первым дѣлом полѣз рукой в лѣвую штанину, чтобы остановить липкую сметáнную струйку. Сметáна б́удто

ждала этого и сейчас же поползла ещё сильнее во все стороны. Пришлось вытащить кусок и заняться настоящей чисткой — смазывать на пальцы и облизывать.

Тихо сидя на приступке, я слышал, как мама говорила:

— Из сыромятной кожи им надо карманы-то шить. Видела, как оттопырились? Чего только не набьют!

— Ребячье дело. Всё им любопытно.

— А мнётся что-то. Не говорят, где были. У Яковлевны-то эдак же. Знаешь ведь, он какой: не захочет, так слова не добьёшься.

— Наш-то простой. Всё скажет.

— Попытаю вот я завтра.

— Да будет тебе! Парнишко ведь — под стекло не посадишь.

Просто замечательная бабушка! Всё как есть правильно у ней выходит.

Кусок с наддверья я снял и сложил с тем, что вытаскивал из-за пазухи. Теперь у меня четыре куска да оба кармана полны. Ловко! Куда только это? Изомнётся, поди, в карманах-то...

С ребятами надо сговориться, как завтра отвечать. С Петьшей нам просто, а вот как Кольшу добыть?

Через широкую щель забора поглядел к ним во двор. В избе всё ещё огонь. Колькина мать сидит за кроснами, ткёт тесьму для вожжей. Спит, видно, Колька. В сенцах ведь он. Разве слазить? В это время у них скрипнула ступенька крыльца. Идёт кто-то. Не он ли?

— Кольша, Кольша! — зашипел я в щель.

— Ну?

— Иди к нам спать! Петьша у нас же.

— Ну-к что, ладно. Мамонька до утра не увидит... — И Колька осторожно перелёз через забор.

Петька был уж на нашем сеновале и встретил ворчаньем:

— Ты что долго? Разъелся без конца! Я уж давным-давно поёл. Чуть не уснул, а его всё нет! Достал хоть что-нибудь? Для того-то?

— Мы да не достанем! Четыре куска у меня. В одном кармане баранина с картошкой, в другом — каравай. Вот! — хлопнул я по карману.

— Молодѣц, Егѳрша! А я подцепил вялену́хи два кускá да полкру́жки горо́хового киселя. Тут, в сѣне, зарыл! Ну, хлѣба не мог. Это так тѳчно. Тѳлько и есть, что те два кускá: Таю́ткин да Афѳмшин. Хвáтит, поди? Кѳльше вот не добы́ть. Плѳхо у них.

Колю́шка, которого Пѣтька не замѣтил до сих пор, отозвáлся:

— Карто́шка-то есть, поди, у нас. Семь штук в сѣнцах спря́тал.

— Кѳльша! — обра́довался Пѣтька. — Тебя́-то и нáдо. Ты про Вершѳнки не скáзывал?

— Нет, не говорѳл.

— Вот и лáдно. Мы с Егѳршей тѳже не скáзывали. Тепѣрь как? Меня́ спра́шивают, где бы́ли, а я и сказáть не знáю. Про то, про другѳе говорю́...

— У меня́ э́так же. Мáма спра́шивает, сердѳться стáла, а я верчу́сь так да сяк, — отозвáлся я.

— Кѳльша, тебя́ мáть-то спра́шивала? Потѳм-то, как кор-мѳла?

— Спра́шивала.

— Ты что?

— Ну-к, я сказáл...

— Что сказáл?

— Сказáл... промолчáл...

Это показáлось смешнѳ. Мы расхохотáлись. На сосѣднем сеновáле завозѳлся брат Пѣтьки — Грѳньша — и сѳнным гѳлосом проговорѳл:

— Вы, галчáта! Спать порá. Скажу́ вот...

Грѳньша усну́л, но мы уж дáльше разговáривали шѣпотом. Сложѳли все запáсы в однѳ мѣсто и уговорѳлись зáвтра идтѳ не рáно, бѳдто за ягодами.

Если бѳдут спра́шивать о сего́дняшнем, всем говорѳть однѳ: уди́ли у Перево́зной горы́, потѳм уви́дели — нарѳд бе-жѳт, тѳже побежáли поглядѣть, да на тракту́ и стоя́ли. Ждáли, что бѳдет, а ничегѳ не дождалѳсь. Так и не узна́ли. Говорѳт, ктѳ-то убежáл, егѳ и ловѳли.

Неугомонный Пѣтька хотѣл бы́ло ещѳ уговорѳться:

— А где мы зелѣную кобы́лку ловѳли?

Но тут стал всхрáпывать Колю́шка. И у меня́ перед гла-

за́ми ста́ла появля́ться т́хая вода́, а на ней поплаво́к. Вот по-
ше́л... поше́л... а!..

Пе́тька всё ещё что́-то говори́т. Опя́ть т́хая вода́, а на ней
поплаво́к... Потяну́ло... Окунь! Како́й большо́й! Тащи́ть порá,
а рука́ не подыма́ется...

ЗАГАДОЧНЫЙ ТУЛУНКИН

Утром, когда́ пи́ли чай, пришёл о́тец. Пришёл уста́лый, но
весёлый и чём-то дово́льный. Сел ря́дом со мной, придвину́л
к себе́:

— Ну как, рыболо́в, дела́-то? Много́ налови́л?

Я гото́в был сейча́с же бежа́ть на погрéбицу за ры́бой, но
о́тец остано́вил, а ба́бушка сказа́ла:

— Сейча́с ушку́ варить ста́нем. Страсть хоро́шая ры́бка!
Окуньки́ бо́льше.

— Ты лу́чше спроси́, в кото́ром он часу́ домо́й пришёл, --
вмеша́лась ма́ма.

— Опозда́л, ви́дно? Насы́пала¹, поди́, ма́ть-то, а? Она́,
брат, смотри́!

— Вот и пристрожи́ у нас! Ба́бушка — потако́вщица,
о́тец — ху́же того́.

— Вишь, вишь, како́я серди́тая! — подмигну́л мне о́тец. —
Гляди́ у меня́, слу́шайся! Я вон небо́сь всегда́ слу́шаюсь. Как
гудо́к с рабо́ты — я и домо́й, и уходи́ть никуда́ неохота́. По-
кре́пче тебя́, а сижú, а ты вот всё бродишь. Туда́-сюда́ тебе́
на́до. Сего́дня куда́ собрали́сь?

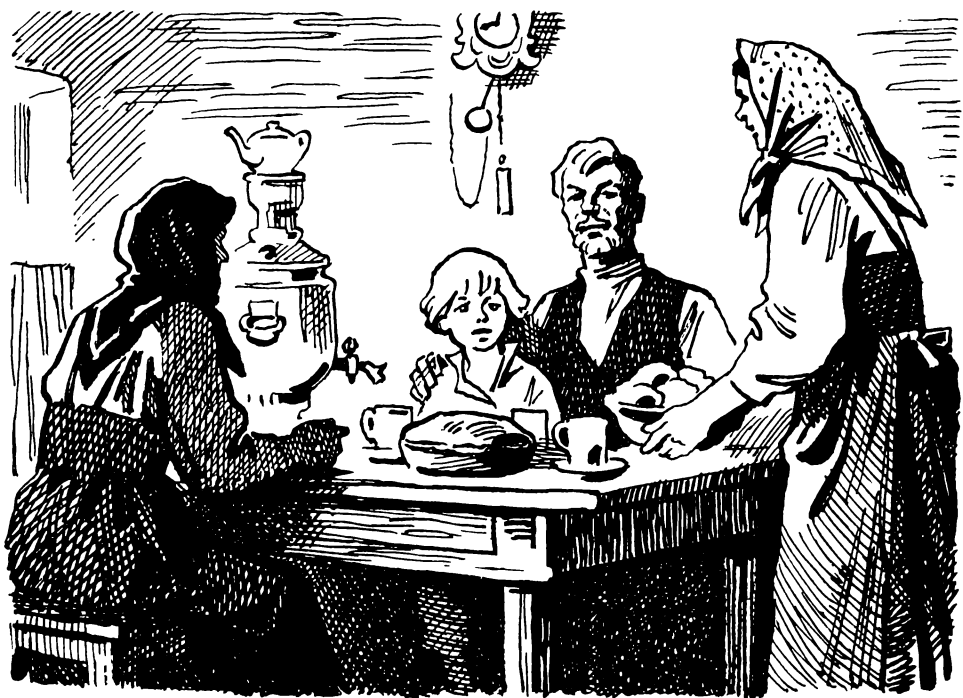
— По я́годы, ты́тенька. За Кара́ндашиху ду́маем.

— И то де́ло. Ско́ро я́годы-то от нас убе́гут, а ры́ба оста́-
нется. Успева́ть на́до. То́лько домо́й за́светло приходи́. Ла́дно?
Не серди́ ма́ть-то!

— Да бу́дет тебе́! Скажи́ хоть, куда́ вас гоня́ли?

— Доро́гу да лес кара́улили.

¹ Н а с ы п а л а — здесь: наказа́ла, побила́.

— Что их караулить-то?

— Станового спроси, ему виднее. Так и сказал: «Этих поставишь караулить лес и дорогу». Ну, мы и караулили.

— И что?

— Да всё по-хорошему. Дорога на месте, и сосны не убежали...

— Без шуток расскажи, Василий, — попросила мама.

А бабушка заворчала:

— Что, в самом деле, балагуришь¹, а про дело не скрываешь!

— Нельзя, мать, про это дело без шуток рассказать. Коли дурак делает, так всегда смешно выйдет. Придумали тоже — народ выгнать политику ловить! Как же! Пусть сами ловят!

¹ Балагуришь — шутишь, смеешься.

— Какую политику?

— Да, видишь, на Скварце — на золотом-то руднике под Вершинками — появился человек один. Из пришлых какой-то. Под землёй работал, как обыкновенно. Вот этот пришлый и стал с тем, с другим разговаривать про тамошние дела. Стало около него народ грудиться. Стража-то горная побивается под землю лазить, им и вольготно там. Соберутся да и судят. Про штрафы там, про обыски... ну, про всё рабочее положение и как лучше сделать. Кто-то всё-таки унюхал про это. Из начальства. Вчера, скáзывают, как из шахты народ подыматься стал, его и хотели взять, а у него револьвер оказался. Стражники-то — они на голоруких храбрые, а этой штуки боятся — выпустили. Он в лес. Стражники давай стрелять в него, он опять в них. Перепалка вышла. Говорят, будто ему ногу подшибло пулей.

— Поймали его?

— Зачем поймали? Ушёл...

— С подстреленной ногой?

— Может, это ещё враньё — про ногу-то... Говорю, ушёл, да и как не уйти, коли стражники сами боятся в лес заходить! А нам зачем этакого человека ловить?..

— Вы по лесу и ходили?

— Вроде облавы сделано было. Он, видишь, в том лесу был, между зимником да трактом, под самыми Вершинками. В пруд этот лесок выходит. Вот его и оцепили и по тракту до плотины народ поставили. В случае если пруд переплывёт, так тут его и схватят. Мы с Илюхой против Перевозной горы пришли. Только и видели, что стражники по дороге ездят да покрикивают: «Эй, не спишь?» А сами-то и проспали. Он знаешь что сделал?

— Ну?

— Переплыл, видно, пруд да к перевозу и пробрался. Там взял лодку — потихоньку — да прудом прямо к господскому дому. Ищи теперь! На Яшу Лесину приходят, почему лодку не уберёт, а он говорит: «Тут три стражника сидело, я и не караулил. Они спать завалились, а я сиди! Как бы не так!» Лодку-то оглядывают теперь, не осталось ли следов каких... Подходили мы с Ильёй. Серёжку какую-то там нашли да

панок-свинчатку¹. У нашего Егорушки такой же есть. Зелёным крашен.

— Ты, Егорушко, этот панок выбрось и не скáзывай, что у тебя такой был, — посоветовала бабушка.

Отец расхохотался:

— Что ты, мать! Не будут же ребячьи бабки перебирать. Мало ли крашенных панков.

Отцовский смех меня успокоил. Надо всё-таки ребятам сказать, чтобы про мой зелёничик не поминали. Будто я ещё с весны его проиграл. Эх, какой паночек-то был! И как это он выскользнул?

Успокоенный, я стал собираться.

Бабушка, как всегда, отрезала мне хлеба, а мама напомнила:

— Смотри, не по-вчерашнему! Глубокó-то от дороги не ходите. Там и ягод нет. К пруду ближе держитесь.

Колюшка уже поджидал на завалинке, но Пётки ещё долго не было. Мы понимали, почему он долго не выходит. Ему надо незаметно пронести корзинку с запасами для раненого. Пётка же взялся разыскать посудину, которую мы могли спокойно оставить. Ждали терпеливо. Пётка вылетел наконец и сразу набросился на нас:

— Вы что тут расселись, ровно воробьи на жердинке! Про Сеньку-то узнали? Может, он с голубятни караулит, а они сидят! Драться-то, поди, нам сегодня не с руки! Бегй, Егоруша, хоть к Потáповым ребятам. Посмотри из огорода, не видно ли Сеньки либо ещё каких первоглинских.

— Ну-к, что бегать-то, так пройдем.

— Говорю — не с руки нам сегодня драться.

В это время из переулка показалась лошадь, запряжённая в телегу. На телеге — старик и три женщины, за телегой — привязанная хромая лошадь. Это был удобный случай. Мы сейчас же забежали с левой стороны и пошли рядом с телегой, один за другим.

Немолодая женщина спросила:

— За какими, ребята, ягодами-то?

— Какие попадут.

¹ Панок - свинчатка — то есть битка или бабка, залитая свинцом.

— За бруснікой-то рано ведь.

— Черніка ещё попадаёт. А вы куда?

Этот разговор был нам тоже на руку¹ — будто мы знакомые. Нам надо было со взрослыми пересечь улицу Первую Глинку.

В Горянке тогда был дикий обычай: ребятшки одной улицы были в постоянной вражде с ребятами двух соседних улиц. Почём зря тузили² один другого за то, что живут на улицах рядом.

В той стороне, куда мы шли, врагами нашими были ребята Первой Глинки. Во Второй Глинке уже были наши друзья, которые тоже воевали с Первой Глинкой.

В Первой Глинке, у самого переулка, справа, жил наш заклятый враг — Сенька Пакуль. Это был рослый, красивый, ловкий и очень сильный мальчик наших же лет. Но в школе он не учился. Совсем ещё маленьким он упал и прикусил кончик языка. Речь у него стала невнятной, над ним смеялись. Из-за этого Сенька не учился в школе, а ходил учиться к какой-то старинной мастерице³. Наши ребят он особенно не любил. Готов был целыми днями сторожить, чтобы поймать и поколотить кого-нибудь из наших, если узнавал, что прошли в их сторону.

Не дальше трёх дней тому назад нашей троишке удалось поймать Сеньку Пакуля с его другом Гришкой Чирухой, и мы их жестоко побили. Нелегко, конечно, это досталось. У Кольши появился пятый⁴ синяк, у меня удвоилась губа, но больше всех пострадал Петька — у него были разорваны новые штаны. Как бы то ни было, мы всё-таки победили, и Петька похвалялся:

— Будет помнить Сенька-то, как наших бить! Задавалко художькое! Ещё кричит — выходи по два на одну руку! Вот те и по два! Получил небось. А этой поганой Чирухе я ещё покажу, как новые штаны рвать!

Мы теперь и боялись, как бы Сенька с товарищами не

¹ Разговор был на руку — то есть совпадал с их интересами.

² Почём зря тузили — без причины, попусту сильно дрались.

³ Ходил учиться к старинной мастерице — учился на дому у грамотной женщины.

⁴ Пятый — величиной с монету в пять копеек.

отплатил. Обошлось, однако, по-хорошему. Только один парнишка увидел нас и заорал:

— Эй, ребята, Сестипятка идёт! Сестипятка! С Каменуски. Сестипятка!

Парнишка был нам не ровня. С такими не дерутся. Мы только сделали ему знак пальцем — утри сопли, да Петька крикнул:

— Эх ты, сосунок! Говорить не научился!

Никого из ребят нашей ровни не было видно. Мы, конечно, больше поглядывали в сторону голубятни Сеньки Пакуля и пятистенника, где жил Гришка Чируха. Но тоже никого. Только уж когда подошли ко Второй Глинке, из-за угла выглянула лисья морда Гришки. Петька погрози́л ему кулаком:

— Я тебя научу штаны рвать!

Дальше шли вообще спокойно.

— Ну-ка, ребята, пошли поскорее. Сами-то небось наелись, а он — голодом.

— Верно, пошевеливаться надо.

Мы зашагали быстрее. Покосную дорогу через речку Карандашиху мы знали хорошо, первую просеку — тоже. Но чем ближе подвигались, тем больше тревожились.

Хотели поскорее увидеть, что раненый тут, никто его не хватил, и мы всё больше и больше поторапливались. Около просеки уже бежали бегом. Свернули налево и сейчас же запели про железную дорогу.

Спели раз, другой — никого. Мы продолжали петь. Опять никого.

— Вон пруд, ребята, видно, а его нет. Говорил — за Карандашеву гору проползёт. Как же так? Она, видишь, кончилась. Искать надо. Может, тебе, Егорша, свистнуть?

— Дойдём сперва до пруда, — предложил Колюшка.

— Что там делать-то? Говорил — в мелком лесу, а там видишь какой! Голова!

— Вот тебе и голова! Помните, сказал — до конца идите?

Опять запели про сороконожку и пошли к пруду. Вблизи берега, где лес совсем редкий, наш раненый отозвался. Где он? Ближе вообще, а не видно. За деревом, что ли? Но вот зашевелилась куча хвороста. Вон он где!

— Не мог, ребятки, выше-то уползти. Что-то плохо мне, —

сказал незнакомец, когда мы подбежали к нему. — Воды принесите кто-нибудь.

Пётка вытряхнул перед раненым смесь горохового киселя с бараниной и творожником, выложил ломти хлеба и побежал с бураком¹ к пруду.

— И поесть принесли. Вот спасибо, ребятки! Да как много!

И он сейчас же схватил ломоть и жадно стал есть. Мы не менее жадно разглядывали своего вчерашнего знакомого. Он был ещё не старый, с короткими чёрными волосами и широкими бровями. Кожа лица и рук покрыта мелкими чёрными точками, как у слесарей. Подбородок сильно выдался, а глаза, казалось, спрятались под широким квадратным лбом. Ласковые глаза мало подходили к строгому лицу.

— Что глядите-то! — усмехнулся раненый. — Не видали, как голодные едят? Что говорят в заводе про вчерашнее?

Тут я принялся выкладывать², что слышал от отца. Раненый заметно заинтересовался:

— Где, говоришь, отец-то у тебя работает?

Я сказал, что у нас с Пётшей отцы работают в пудлинговом цехе, а у Колюшки — тот всю жизнь на домне.

— Лошадёй ни у кого нет?

— Лошадёй нет.

— Вот что, ребята... Вы бы мне слесаря Тулушкина нашли. В вашем краю живёт. На Первой Глинке.

— Приезжий какой?

— Нет, ваш, горянский. Мы с ним вместе в городе работали.

На Первой Глинке, как и на своей Каменушке, мы знали подряд все дома, но Тулушкиных там не было. Перебрали по памяти всех — нет Тулушкиных!

Раненый, однако, стоял на своём: есть.

— Писал ему раз. Дошло письмо, и ответ получил.

— На Первой Глинке?

— На Первой Глинке. Тулушкин Иван Матвеевич.

— Нет, такого не бывало.

Раненый всё-таки не верил нам.

¹ Бурак — круглая коробка из берёсты.

² Выкладывать — здесь: рассказывать.

— Вы вот что, ребятки! Ступайте домой и там узнаете про Тулункина. Сходите потом — только не все, а один кто-нибудь — к этому Тулункину и скажите ему: Софронич, мол, тебя ждёт с лошадью, а где ждёт — я укажу.

— Дяденька, да нам на Первую Глинку и ходить нельзя.

— Дерёмся мы с тамошними ребятами.

— Ну, помиритесь на этот случай.

— Легко сказать — помиритесь! Это с Сенькой-то Пакулем да с Гришкой Чирухой! Попробуй!

Мы быстро собрались домой, ягоды не стали брать. Решили сказать дома, что их вовсе нет в этом месте: брусника ещё белая, а других не осталось. На обратном пути не один раз перебрали всех жителей Первой Глинки. Может, пишется кто так? У нас ведь в Горянке чуть не у всех двойные фамилии. Петька вон зовётся Маков, а пишется Насонов. Колюшка по-

уличному Туеско́в, а пи́шется Туры́гин. У меня́ то́же две фа-
ми́лии.

— На́до, ребята́, всё-таки́ узнáть про Тулу́нкина.

— Ты сперва́ про друго́е ду́май! — сурóво сказа́л Пётъ-
ка. — Как прой́ти ми́мо Гли́нки? Сэнька-то, по́ди, кара́улит.
Дума́ешь, Чиру́ха ему́ не сказа́л?

— Мо́жет, Сэньки́ и до́ма нет.

— Все́-таки, ребята́, пойдём бе́регом.

— Там скорéе нарвёшься.

— Мы со Второ́й Гли́нки поглядим. Если не купáются —
хо́ду прýмо по воде́. Ла́дно? А Сэнька пусть сидит, как сыч, в
переу́лке кара́улит.

Сэнька оказа́лся хитре́е.

То́лько мы поравня́лись с Пе́рвой Гли́нкой, как на нас на-
летело́ че́тверо, а сза́ди, с огоро́дов, ещё́ перелёзло трóе. Нас
окружи́ли. Враги́ зарáнее ра́довались:

— Попáлась, Шести́пятка!

Но Пётъка не забы́л про разо́дранные штаны́ и зве́рем ки-
нулся на Гри́шку Чиру́ху. Гри́шка был сла́бый ма́льчик, и
Пётъка с одно́го уда́ра сбил его́ с ног.

Колю́шка поше́л на Сэньку Па́куля, но тот уверну́лся, лóв-
ко подста́вил но́жку, и наш Медве́дко сýнулся но́сом в зéмлю
на са́мый бе́рег. Меня́ тузи́ли дво́е шко́льных това́рищей и уже́
крича́ли:

— Корись¹, Егóрко!

Я, коне́чно, не мог допустит́ тако́го позóра и отбивáлся
как мог, хотя́ уже́ из носу бежа́ла кровь и рука́ была́ чём-то
расцара́пана.

По сча́стью, Пётъка изо́ всей си́лы залепи́л ка́мнем в ведро́
подходи́вшей к пруду́ же́нщине. Ведро́ зазвенело́, загромыха́-
ло и свали́лось на зéмлю. Же́нщина осви́репела² и броси́лась
с коромы́слом в са́мую гу́щу сва́лки. Мы воспользовали́сь
э́тим и броси́лись наутёк к переу́лку.

Как раз в э́то вре́мя возвра́щался лесни́к верхóм на ло́ша-
ди. Ехал он ша́гом. Э́то для нас бы́ло вы́годно. Мы из-за него́
могли́ отбива́ться ка́мнями, а на́шим врага́м э́того сде́лать бы́-
ло нельзя́. Так и ушли́.

¹ Корись — покорись, сдавайся.

² Осви́репела — си́льно рассерди́лась.

Пётъка мог всё-таки утѣшиться.

— Видели, ребята, как я Чирухе засветил? Два раза перевернулся! Будет помнить, как штаны драть!

Хоть Гришка и не перевёртывался двух раз, но нам самим похвалиться было нечем, спорить не стали. Колюшка только вздохнул:

— Кабы нога не подвернулась, я бы ему показал...

— Ежли да кабы стали на дыбы, хвостиком вильнули, Кольше подмигнули...

— У самого-то щеку надуло!

— Это мне Сенька вкатил. Хорошó бьётся, собака! Это так точно. В нашей бы улице жил, мы бы показали первоглинским! А Чируха — язва. Только и толку, чтобы одежду драть. Ему ловко, богатому-то!

— Вот и мирись с ними!

— А надо, — проговорил Колька, растирая медной пуговкой большую шишку на лбу.

— Наставят тебе с другого-то боку!

— Ну-к что, наставят, а мириться надо.

— Да как ты станешь с ними мириться? Покориться, что ли, Первой Глинке?

— Чтобы наши каменушницы первоглинским покорились! Никогда тому не бывать! Это уж так точно. Гляди, вон Сенька-то задаётся!

Над угловым домом Первой Глилки, где жил Сенька, взлетела пятёрка голубей. Нам с завалинки был виден и конец Сенькиного махала.

— Видишь, голубей выпустили. Хвастается — задавалко художьюкое! Постой-ко... — Пётъка поглядел на нас, как на незнакомых, потом махнул головой: — Пошли, Егорша!

Он швырнул корзинку тут же на улице и бросился в калитку своего дома. Я не понимал, что он задумал, но тоже побежал за Пётъкой.

Ухватив в сенцах коротенький ломок, Пётъка полёз на сеновал.

Неужели он Гриньшиных голубей спустит? Это было страшно, но я всё же полёз за Пётъкой. У нас ни у кого из троицы своих голубей не было, но у Петюнькиного брата Гриньши была пара ручных, подманных. Эту пару хорошó

знали по всему околóдку¹. Нам дóступа к ней нé было. Клётка всегда была на замкé, а ключ Гриньша носил с собой.

Пётка подсунул ломóк, нажал и выворотил пробóй.

— Свистí на выгон! — приказал он мне, открывáя двéрцу клётки.

Я засвистал, и пара, хорошо зная своё дéло, сразу пошла на подманку, вре́завшись сбоку в стáйку Сенькиных голубей. На свист выбежала из избы Пёткина мать и закричала:

— Что вы, мошенники, дéлаете? Гриньша-то узнаёт — задаст вам!

— Он, мамонька, сам велел Сенькиных подманить.

— А как его-то упустите?

— Не упустим! Подсвистывай, Егорша.

С крыши нам видно было, как метались на своей голубятне Сенька и трое его друзей. Залез на голубятню какой-то во все большой парень. Все они свистали, подманивали голубей, но напрáсно старались: вся стáйка слушалась теперь только моего свиста.

Я ещё разá три сгонял её вверх, потом стал свистать на спуск. Пётка уже кричал вниз Кольке:

— Тащи решето да сбивай ребят, какие есть! Сенька сейчас драться полезет.

Через несколько минут всё было кончено. Гринькина пара сидела в своей клетке, а Сенькина пятёрка трепыхалась в закрытом решете. Только Сенька не лез драться. Он, как потом мы узнали, ревел, как маленький.

— Теперь, ребята, с Сенькой помириться не стыдно, — объявил Пётка.

Подождáв немного, мы вышли в переулóк. Со стороны Первой Гли́нки там уже были все те ребята, которые недавно нас тузили. Вышел и заплаканный Сенька. Пётка звонко крикнул:

— Сеньша, хошь отдам?

— За сколь?

— Так отдам. Без выкупа.

— Обманываешь!

— Нет, по уговóру отдам.

¹ Околóдок — окрестность, соседние места.

— О чём уговор?
— Мириться.
— На сколь дней?
— Навсегда.
— С тобой?
— Нет, со всей нашей заединщиной. Со мной, с Кольшей, с Егоршей.

— А мне как?
— Ты сговоришься вон с Митьшей Потоповым, с Лейшей Шубой.

Петька указывал на самых крепких мальчуганов, наших одногодков. Они меня и колотили.

— Не будут если?

— Других подбирай. Только Гришку не надо. Он штаны новые дерёт.

Сенька недолго говорил со своими и крикнул:

— Давай!

— Навсегда?

— Навсегда! — крикнули на этот раз Митька и Лейко.

Мы сбегали за решетом и передали его Сеньке. Тот сейчас же убежал на голубятню, высадил голубей, притащил решето. Начался уговор. Обрадованный Сенька был готов сойтись на пустяках, но все остальные хотели мириться «как следует».

Мирились тогда у нас на «вскружки» — драли один другого за волосы. Вскружки были простые, сдвоенные, с рывком, с тычком, с поворотом, зависочки, затыльные до поясу, до земли.

Сенька сперва сказал — пять простых. Смешно даже! Пять-то простых — это когда из-за пустяковой рассорки дело выходило, а тут вообще другое: улицы мирились, да ещё навсегда!

Выбрали для такого случая три самых крепких зависочника да пять затыльников до земли, чтоб лбом в землю стукнуть.

Встали парами один против другого и начали выполнять уговор. Сначала они раз, потом мы, опять они, опять мы. Сенька из-за голубей и тут хотел поблажку Петьке сделать, да Петька закричал:

— Не в зачёт! Сенька мажет!

Дальше уже пошло по совести. Драли друг друга за волосы так, что у всех стояли слёзы на глазах. Нельзя же! Мирились не на день, а навсегда, да ещё с разных улиц. Дешёвкой тут не отделаешься! Составились ещё две пары, но Гришку Чируху никто не вызвал.

Когда мир был заключён, решили искупаться на каменистом берегу. У нас было удобнее, да и Пётке давно хотелось померяться с Сенькой на воде. Только куда Пётке! Сенька и заплывал и нырял много дальше. Потом Сенька боролся с Кольшей и тоже легко его бросил. Зато на палке Кольша всё-таки перетянул. Попыхтел, конечно, а перетянул. Все три раза. Хотели ещё проверять — заставляли снова бороться, да Кольша сказал:

— Ну-к, он ловчее, а я сильнее.

На этом и согласились. Медведушко наш, и верно, ловкости большой не имел.

Мы — остальные — тоже боролись и на палке тянулись, но это уж так, для порядку. Зато наши новые друзья заказывали мне:

— Егорша, свисти по-атамански.

Я бы с радостью потешил друзей, но после первого же по-свиста из окон ближайших домов высунулись взрослые и на всякие голоса закричали:

— Егорко, уши оборвуй!

— Свисти ещё — я тебе покажу!

— Егорко! Ты опять? Сколько раз тебе говорить, а?

Пётка, всегда гордившийся моим свистом больше меня, похвастался:

— По всему заводу против нашего Егорши свистаря не найти! Мешают вот только парню! — кивнул он головой в сторону ругавшихся взрослых и сейчас же громко спросил перволинских: — Ребята, у вас Тулушкины есть?

Сенька с удивлением поглядел на него:

— Ты что, шутишь? Мы — Тулушкины пишемся.

— Да ведь вы Кожины!

— Кожины, а пишемся Тулушкины.

— Отца у тебя как зовут?

— Иван Матвееч.

— Сеньша, друг! Его-то нам и надо!

— На что?

Этот вопрос смутил Пётюку. Он метнул глазами в мою сторону и сказал:

— Егорше вон надо... Поклон, что ли, передать.

— Ну, что... Приходи, Егорша, в шесть часов. С работы он придёт.

Загадка была отгадана. Тулушкина нашли — и вообще близко.

ВЫСЛЕДИЛИ ДО КОНЦА

До шести ещё было далеко, и мы занялись игрой в городки, только перешли на Первую Глинку. У них было гораздо лучше играть, чем на нашем, каменушенском, косогоре.

В шесть часов я сходил к Ивану Матвеечу. Он только что пришёл с работы и умывался у крыльца. Я тут ему и сказал:

— Дяденька, тебя Софроныч с лошадью ждёт, а где — я укажу.

Иван Матвееч выпрямился во весь свой высокий рост и так, с мокрым лицом, спросил:

— Какой Софроныч?

— С которым ты в городе работал. Ещё письмо он тебе писал...

— Постой... Ты откуда его знаешь?

— Не велено скрывать.

— Да ты чей?

Я сказался. Иван Матвееч торопливо утёр лицо и руки, потом сказал:

— Пойдём к отцу. Знаю я его.

Пришли. Иван Матвееч сразу же сказал:

— Мне бы, Василий Данилыч, с тобой надо поговорить.

— Говори тут — некому у нас вынести.

— Нет, всё-таки надо бы по тайности.

— Тогда пойдём в огород.

— И парнишку твоего надо.

— Неуж что худое¹ надёлал?

— Нет ровно.

В огороде у нас росли два черёмуховых куста, под ними стояла скамейка. Место это называлось садом. Тут и уселись.

Иван Матвееч, понизив голос, проговорил:

— Сынишка твой сейчас мне поклончик передал от человека, которого ему ровно знать неоткуда. Стал спрашивать, где видел, а он говорит — не велено. Вот и повёл к тебе. Пусть расскажет.

Тут уж пришлось сказать всё. Отец пожалёл:

— Ох, ребята, ребята, давно бы сказать надо! Хоть мне, хоть Гриньше, хоть Ильё. Бегика за своими заединщиками да Илью тоже позови. Скажи, дело есть.

Через несколько минут на скамейке прибавился Илья Гордееч, Пёткин отец, а мы все трое уселись на земле. Мой отец сам рассказав, как было дело, потом сказал нам:

— Вы, ребята, теперь про это забудьте. Будто и не было. Слышали?

— Без вас того человека уберём², — добавил Илья Гордееч.

— Без нас не найти, — ответил Пётка. — Он на нашу песенку отзывается, а вы не умеете.

— Найдём и так. А вы забудьте! Никому чтобы! Панок-то, Егорша, не твой?

— Мой...

— Смотри! Всем говори — давно потерял.

— Я так и думал...

— Ну, а теперь бегите играть.

Когда нас так отстранили, Пётка первым делом налетел на меня:

— Распустил язык! Всё им сказал. Кто тебя просил?

— Сам бы и шёл!

— «Сам бы, сам бы»! А ты что?

— А то... Не поверил Иван Матвееч. Пойдём, говорит, к отцу.

— Ну?

— Ну я и рассказав.

¹ Худое — плохое.

² Уберём — здесь: спрячем, убережём.

- Всё, как было? И про место, где он лежит?
- И про место...
- Вот и вышел «малый мой, малый мой, понесу тебя домой!»! Теперь, думаешь, они что скажут?
- Так ведь спрячут его.
- Спрячут-то спрячут, да тебе не скажут. Слышал у них разговоры: отвяжись! не твоё дело!
- Узнаем, поди, потом, — отозвался Колюшка.
- Когда узнаем? Как большие вырастем?
- В это время отворилась калитка. Вышел Иван Матвеевич и не спеша зашагал к своей улице. Вскоре вышли и наши отцы.
- Отец Пётки зашёл к себе во двор, а мой прошёл мимо и повернул в переулок налево.
- Видал? Сговорились уж, а про нас и помину нет! Это так точно.
- Ну-к что...
- Вот те и «ну-к»! Узнать-то охота или нет? Беги, Егорша, за отцом. Если он брат не станет — скажи, в Дóменную, мол, надо, а мимо Кабáцкой боюсь один. Я к Сеньше сбéгаю. Пусть он за своим отцом глядит. А ты, Кольша, тут сиди. Никуда, смотри, не уходи. Если мой тятя куда пойдёт, беги за ним.
- Своего отца я догнал, когда он поравнялся с соседней Кабáцкой улицей. Отец усмехнулся:
- Тебе куда?
- Я, тятенька, в Дóменную... К Силку Бýденку.
- Зачем это?
- На этот вопрос я не знал, что сказать. Никак не придумывалось.
- Так... Говорят, у него крючки есть...
- Самолóвы, поди?
- Я обрадовался и принялся врать о крючках, но отец не дослушал:
- Ступай домой.
- В голосе не было стрóгости, и я уже по-простóму запрóсился:
- Я с тобой пойду!
- Нет, Егоранько, нельзя. Потом тебе скажу...
- Когда скажешь?

— Ну, когда надо, тогда и скажу. Ступай! Нёкогда мне. — И отец нахмурился.

Приходилось идти домой без удачи.

Петьки ещё не было. Кольша спокойно сидел на завалинке у Маковых. Я сказал, что отец меня воротил, и в утешенье себе добавил:

— Обещался потом сказать.

— Ну-к, я говорил — скажут. Зря Петьша трепещется.

С этим я не мог согласиться. Когда ещё скажут! Надо теперь узнать.

От Маковых вышел Илья Гордич. Одёт он по-праздничному, но как-то чудно: ворот синей рубашки расстегнут и торчит заячьим ухом, суконная тужурка надета в один рукав, левый карман плисовых шаровёр вывернут, фуражка сидит криво и надвинута на глаза. Что это с ним? На ногах нетвёрдо держится. Когда напился? Сейчас трезвехонек был.

— Что, угланята¹, усталились? Пьяных не видали? — спросил Илья Гордич и, пошатываясь, пошёл вверх по улице.

Мы переглянулись и стали смотреть, что будет дальше. Пройдя домов пять, Илья Гордич совсем по-пьяному затынул:

Ой-да, ой-да за горой,
За круто-о-ой...

Запахавшись, прибежал Петька и стал рассказывать:

— Сеньшин отец с удочками пошёл! В ту сторону... Понятно? Не поймаю ли, говорит, вечером ёршиков, а у самого и червей нет и удочки у Сеньши взял. Рыболов, так точно... У вас что?

Мы рассказали. Петьку больше всего удивило, что отец у него напился.

— Вина-то в доме ни капельки. Знаю, поди. Выдумываете?

— Ну-к, гляди сам. Вон он у Жиганова дома куражится².

— Верно... Пошли, ребята!

Около камней у дома подрядчика Жигана стоял Илья Гордич и громко спрашивал двух работников Жигана:

¹ Угланята — баловники, шалуны.

² Куражится — здесь: шумит, кричит.

— Мне почему не гулять? Сенцо-то у меня видáli? Что ему делается, коли оно у меня под крышей... а? Слыхали про Грудки-то? Нет? Все зароды¹ в дыму. Не слыхали?

Со двора торопливо выбежал Жиган и, отирая руки холщовым фартуком, спросил:

— О чём ты, Гордич?

— Тебя не касаюсь... С ними разговор.

Илья Гордич, сильно шатаясь из стороны в сторону, пошёл дальше и опять запёл:

Ой-да, ой-да за горб-о-ой...

Жиган поджál губы:

— Напьются, главное дело, а тоже! Что он сказывал?

— Ну, выпивши человек... мало ли сболтнёт... На Грудках будто сено горит.

— На Грудках?

— Все, говорят, зароды в дыму.

— На Грудках?

— Так сказывал. Пьяный ведь — что его слушать.

— Тебе, главное дело, горюшка мало, что у хозяина на Грудках три зарода. Работнички!

Увидев нас, Жиган спросил Петьку:

— Был у вас кто нонче?

— Не видал.

— Говорил отец с кем-нибудь?

— Стоял давеча в заулке. Разговаривал с какими-то.

— С кем?

— Нездешние. По-деревенскому одеты. С вилами, с граблями... На паре. Пятеро их.

— Откуда ехали?

— С той стороны, — указал Петька.

— О чём говорили-то?

— Не слушал я.

— Ну и соседи у меня! Им бы, главное дело, худе человеку сделать! Про беду сказать — язык заболит! По пьяному делу разболтался, и то за счастье почитай. Чем, главное дело, я поперек горла людям стал? — И Жиган, потряхивая козлиной бородкой, побежал во двор.

Илья Гордич между тем перешёл на другую сторону ули-

¹ Зароды — стог сена.

цы и остановился перед окнами чеботаря¹ Гребешкова. Пётка удивился:

— На что ему Гребешков сдался? Сам Гриньше говорил: «Берегись Дятла, наушник² он, для виду только чеботарит».

Илья Гордич сел на завалинку и стал скручивать сигарку. Возился он с этим долго. Бумага не слушалась, табак сыпался на землю. Вышел Гребешков — маленький вертлявый человечек с большим носом, взял у Ильи Гордича кисет и бумагу и свернул две сигарки. Не было слышно, о чём они говорили, но вот Илья Гордич стал стаскивать с левой ноги сапог. Делал он это очень долго. То наклонялся чуть не до самой земли, то откидывался назад. Когда сапог был снят, Гребешков ушёл с ним в дом, а Илья Гордич остался на завалинке. Со двора Жигана вылетела запряжённая в телегу пара «праздничных», соловых³ с белыми гривами и хвостами. На телеге сидели Жиган, двое работников и работница. Телега загремела вниз по улице и свернула в переулок налево. Вышел Дятел с сапогом. Илья Гордич опять долго возился, надевая сапог, потом притопнул ногой, поднялся и указал рукой на кабак. Дятел что-то говорил, как будто отказывался, но кончил тем, что снял с головы ремешок, которым были стянуты волосы, забросил в раскрытое окошечко, и оба они зашагали к кабаку.

— С Дятлом пошёл! Нашёл дружкя! — осудил Пётка своего отца.

Нам тоже было удивительно, что Илья Гордич вдруг связался с пьянчужой Дятлом. Чтобы ждать было не скучно, мы стали играть шариком с верховскими ребятами.

Становилось темно, когда Илья Гордич вышел из кабака. Дятла с ним не было. Илья Гордич, пошатываясь, пошёл домой. Песни на этот раз он не пел. Нам пришлось доигрывать, и мы потеряли из виду Илью Гордича. Как только кончили игру, побежали домой. Остановились у Колюшкиного дома.

— Егорша, давай не будем спать эту ночь. Ладно? Ты за своим отцом гляди, я — за своим. Это будет так точно. Ты, Кольша, тоже не спи!

¹ Чеботаря — сапожника.

² Наушник — человек, который тайно наговаривает на кого-нибудь, клеветает.

³ Соловый — масть (цвет шерсти) лошади.

Ребята стали смотреть, что будет дальше...

— А мне за кем глядѣть?

— А ты... за нами, чтоб не уснул кто. К Егоруше на сеновал приходи.

— Ну-к что... Ладно.

Отца своего я застал дома. Он сидел у огня и подшивал сапог. Мама готовила ужин, а бабушка вязала. Мама с бабушкой разговаривали, отец молчал.

После ужина я не пошел сразу на сеновал, а притаился во дворе — не услышу ли тут какой-нибудь разговор взрослых. Так и вышло.

Вскоре из дому вышел отец и, попихивая трубкой, сел на крылечко. Как только на колокольне пробило двенадцать, отец подошел к соседнему забору и тихонько кашлянул. Ему ответили тем же.

— Ну что?

— Разыграл. Жиган угнал на Грудки, Дятел без задних ног. Чуть не две бутылки в него вылил да еще сорок копеек дал. У тебя что?

— Дедушко сам взялся проводить. Говорит, от Карандашихи через Жиганову займку¹, потом болотами на Горнушинский прииск, а он чуть не к самой Чеснокóвской больнице подходит. Двадцати будто верст не выйдет.

— В Чеснокóвском, скáзывают, доктор молодóй, а дельный.

— В котóром часу Филат Иваныч заедет?

— Велел, как час бить стáнут, наготове быть.

— Слушай-ка, Василий, не бойтесь доктор на леченье принять? Данó, поди, знать в Чеснокóвский.

— Да ведь он по чужóму виду² на рудникé был прописан. Настояще-то его зовут Михайло Софрóныч Костарев. Из Чеснокóвского он родом-то, только смóлоду в гóроде рабóтает.

Теперь я знал всё. С трудóм удерживался, чтобы не броситься на сеновал. Еле дождался, пока отец выбивал табачную золу и бродил по двору. На сеновале я хотел было выпалить всё Петьке, но он, оказывается, тоже слышал весь разговор.

¹ Займка — пашня, поле, расположенные вдали от других земель деревни.

² По чужóму виду — по чужóму паспорту.

На друго́й день мы узна́ли, что Сэньшин отец с утра́ был на рабо́те, а на́ших не́ было до вéчера.

Отцу́ я не напомина́л обеща́ния, но о́сенью, когда́ мы уже́ ходи́ли в шко́лу, он сам сказа́л:

— Вы́лечили, Егóранько, тогó...

— Миха́йла Софра́ныча? — не удержи́лся я.

— Ты отку́да зна́ешь, как его́ зову́т?

— Сам тогда́ ска́зывал...

— Вам?

— Нам.

— Ой, па́рень, смотри́! Не ве́рю я что́-то.

Вéчером в ба́не у Ма́ковых, где Илья́ Горде́ич поправля́л зи́мние ра́мы, собра́лись на́ши отцы́ и ста́ли «доспра́шивать-ся», что мы зна́ем. Снача́ла мы отмáлчивались, пото́м э́то на-до́ело. Пе́тька махну́л руко́й и вы́палил:

— Все́ зна́ем. Слы́шали ваш разгово́р.

— Чи́стая беда́ с ва́ми, ребята́! Не сболтните́ хоть!

— Мы́-то? Э́то уж бу́дьте в наде́жде! Умерло́!

— Умерло́! А Грiньше́ ска́зывали?

— Грiньше́, коне́чно... Не ма́ленький, поди́, он.

— А Сэньше́?

— Ну-к, Сэньша́ заеди́нщик... Навсе́гда!

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Л. Скоринб.</i> Писатель и его родина	3
За большими окунями	7
В лесу под выстрелами	14
Мимо двойного караула	26
Доба	35
Загадочный Тулункин	42
Выследили до конца	55

Д л я н а ч а л ь н о й ш к о л ы

Павел Петрович Бажов

З Е Л Е Н А Я К О Б Ы Л К А

П о в е с т ь

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*. Художественный редактор *И. Г. Найдёнова*. Технический редактор *И. П. Савенкова*. Корректор *Э. С. Ульянова*. Сдано в набор 8/1 1976 г. Подписано к печати 23/III 1976 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 3,49. Тираж 150 000 экз. Заказ № 16. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Цена 15 коп.